

попаданец

ПОПСАДНЕ

Юрий Корчевский
КОНТРАРАЗВЕДЧИК

Юрий Григорьевич Корчевский

Контрразведчик

Серия «Попаданец (АСТ)»

Серия «Сатрап», книга 3

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66592708

*Ю. Корчевский. Сатрап : Контрразведчик: Издательство АСТ;
Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-138810-2*

Аннотация

Тяжелая доля досталась Матвею. Не строевой офицер, а дважды побывал на фронте, причем не отсиживался в тылу. Не успел отдохнуть, направили с экспедиционным корпусом во Францию. Осуществлял контрразведывательные функции. Здесь и застала его февральская революция 1917 года.

Распущена полиция, жандармерия. До родины еще добраться надо, а как, если нет денег? Вместе с сослуживцами пришлось податься в судовые кочегары. И в родном городе опасаться знакомых надо, могут сдать новой власти.

Пришлось стать шофером. А вскоре большевики учинили Октябрьский переворот.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	39
Глава 3	75
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Юрий Корчевский

Сатрап: Контрразведчик

© Юрий Корчевский, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

*Настанет год,
России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон...*

М. Ю. Лермонтов «Предсказание», 1830

Глава 1

ВОЙНА

На германском фронте после первых успехов русских войск наступило неустойчивое равновесие фронтов. Да по-другому и быть не могло, с начала века появились новые виды оружия. Тот же Хайрем Максим снабдил воюющие стороны пулеметами, этими косами смерти. Сколько атак захлебнулось, едва солдаты выбрались из траншей! Два-три пулемета вполне могли сорвать наступление батальона. А еще появились бронированные монстры. На Западном фронте англичане применили танки, которых у немцев не было. Против них пулеметы бессильны. Немцы в панике бежали. У всех воюющих армий сразу появились броневики. Казалось – найден легкий выход. На шасси грузовика поставить бронированную коробку и вооружить пулеметом, а то и двумя. Да не вышло виктории. У броневиков проходимость по полю боя скверная – воронки от снарядов, траншеи, окопы, грязь после дождя. И с танками они бороться не могут, пушка нужна.

Потому воюющие армии закопались в землю. Блиндажи, траншеи, окопы, да зачастую с бревенчатыми накатами. А перед передовыми позициями колючая проволока, от одного до пяти рядов. Попробуй, пехотинец, их преодолеть! Однако

позиционная война ни одной стороне преимуществ не давала. Воюющие стороны стали применять массированные артиллерийские обстрелы неприятеля, причем на ведущее место вышли гаубицы крупного калибра, которых в русской армии остро не хватало. Да еще немецкий рейхсвер применил впервые в новейшей истории химическое оружие – газообразный хлор и иприт. Сначала на французских позициях – реке Ипр, потом хлор у русской крепости Осовец.

Стратегия генералов, закончивших академии и военные училища, не поспевала за развитием техники и технологий. Кто мог предполагать еще несколько лет назад применение авиации всеми сторонами? Первоначально использовали самолеты и дирижабли для разведки. Когда пилоты противостоящих сторон встречались в воздухе, палили друг в друга из пушечек. Довольно быстро на аэропланы установили пулеметы, и появилась истребительная авиация. Русский инженер Сикорский сконструировал еще перед войной многомоторный самолет «Илья Муромец» и приспособил его под военные нужды, как бомбардировщик, хотя и слова такого не существовало еще.

Петр Великий еще в начале восемнадцатого века пригласил в страну иноземцев, сведущих в морских, воинских делах, а также в производстве. Многие переселились – немцы, голландцы, шведы, да всех не перечислить. Мирно жили, приняли подданство российское. А как война с немцами началась, пошли погромы и фабрик и домов, которыми нем-

цы владели. Да еще русские монархи в жены брали принцесс немецких. При первых неудачах на фронте слухи поползли – измена в верхах. Дескать – немецкая императрица германским шпионам все замыслы российского Генштаба передает. Хотя не было такого, иначе бы Охранное отделение в курсе было. Либо люди глупые эти слухи распускали, либо иностранные деньги отработывали.

Европа, особенно англичане, спали и видели, как обескровить главных конкурентов – Германию и Россию. Чем больше они друг друга перебьют, тем лучше Британии. У Англии положение лучше, чем у Франции, ее от континента пролив Ла-Манш отделяет. А Соединенные Штаты вообще за океаном и ни одна мировая война до их территории не докатилась. Для американцев любая война выгодна. И в первую мировую промышленность их в полную силу работала, продавала оружие и боеприпасы, в том числе и России.

Безусловно, германская шпионская сеть в России была. Возглавлял германскую разведку Вальтер Николаи. В России один из центров немецкой разведки располагался в гостинице «Астория». Здесь были штаб-квартира Зигфрида Рая, барона Лерхенфельда и Канцельбогена. Они собирали информацию и переправляли ее в германское посольство в Швеции, оттуда она попадала в фатерланд.

Многие компании и заводы в России принадлежали немцам, либо владели акционеры, а управляющим был немец. Как пример – компания «Сименс и Хальске», «Сименс Шук-

керт», «АЕГ» были русскими филиалами немецких фирм. Делали электрооборудование, в том числе электродвигатели для кораблей и подводных лодок Российской империи. Германская компания «Книп и Вернер» имела филиал в Риге, и ее директор Рудольф Цизе передавал головной компании все планы о работе на верфи.

Российско-американская компания «Треугольник» и обувная фабрика «Скороход» принадлежали немцам. Заводы открыто поставляли через Швецию в Германию шины, резиновые изделия, обувь. Немцы владели контрольными пакетами акций или были управляющими во многих банках.

Внешнеторговый, Сибирский, Петроградский международный, Дисконтный, Азово-Донской. Банкам на правах собственности принадлежали крупные заводы – Коломенский, Исетский, Сормовский, многие шахты. И банкиры тормозили финансирование, как могли. Хуже того, начали спекулятивные сделки с продовольствием. Скупали крупные партии подешевле, взвинчивали цены и поставляли на оптовые склады. Либо поставляли окольными путями продовольствие в Германию. Высокие цены вызывали недовольство населения, зрели бунты, недовольство властью. Мало того, поражения русской армии весной и летом 1915 года, потери значительных по площади и населению территорий вызывало недовольство в среде буржуазии.

А еще почти все революционно настроенные до начала

войны партии раскололись. Например, эсеры, прежде идейные и непримиримые враги царизма, стояли за продолжение войны до победного конца, на время военных действий прекратили всяческие действия против царя и государственного аппарата. Напротив, большевики провозгласили лозунг «За превращение войны империалистической в гражданскую!». Либералы пугали всех надвигающейся революцией, но боялись ее и старались не допустить.

Царь же делал шаги непродуманные, во многом по советам своего окружения. Например – распустил Государственную Думу.

Партия большевиков по численности невелика, к концу 1916 года было всего двадцать четыре тысячи членов. Но сосредоточены они были в Санкт-Петербурге и Москве, самых промышленно развитых городах. Перед началом войны, в 1914 году рабочих было 18 млн 238,9 тыс. человек. С мобилизацией в армию ушли немногим больше 400 тысяч. Нагрузка на оставшихся увеличилась, рабочий день удлинился до 11,5 часа. Рабочие стали получать больше, но инфляция съела покупательную способность рубля.

С началом войны были запрещены стачки, за участие в них установили уголовную ответственность. Активистов судили, а рядовых участников заносили в «черные списки», увольняли, призывали в действующую армию.

Недовольство в тылу было вызвано не только подстрекательством активистов разных партий, но и реально ухудшив-

шимся снабжением. После первого года войны потребление упало на 25 %, на второй год на 43 %. Покупательная способность рубля за три года войны упала вдвое. Несмотря на указы о запрете стачек с 1914 года по конец 1916-го произошло 5794 стачки, но из них с политическими требованиями 1904, треть. Народ хотел хлеба, ему было не до политических игр.

Труднее всего пришлось селу. Рабочие на заводах имели бронь от призыва. Забери их – и все военное производство встанет. В армию мобилизовывали сельских мужиков. Привыкшие к тяготам, они составляли костяк армии. Малограмотные, с трудом осваивающие воинские специальности, требующие знаний на уровне хотя бы начальной школы – артиллеристов, механиков. А уже флотские специальности зачастую требовали хотя бы семи классов – дальномерщики, наводчики, торпедисты, турбинисты машинных отделений. Без мужиков урожай упали, усугубив продовольственную ситуацию. До войны Российская империя успешно торговала зерном, пенькой, медом, лесом на зарубежных рынках. С 1915 года нуждалась в этих товарах сама. Правительство не сидело сложа руки. Делегации посещали Англию, Францию, Соединенные Штаты, делали заказы на порох и взрывчатые вещества, винтовки и пулеметы, грузовики, броневики, пушки, корабли и артиллерию. Европейцы и американцы золото российское брали охотно, но заказы выполнять не торопились. В первую очередь выполняли заказы для сво-

их армий. А когда в России грянула февральская революция, поставки затормозили, после большевистского переворота их заморозили вовсе, но золото не вернули. Десятки и сотни тонн растворились в банковских хранилищах.

Для Охранного отделения служба в чем-то стала проще и легче, в чем-то труднее. Одно то, что самая многочисленная и боевая партия эсеров на время войны прекратила политическую борьбу, покушения на чиновников, экспроприации, уже сняло много забот. Часть большевиков с мобилизацией ушла на фронт, но оставшиеся вели активную подрывную деятельность. Преувеличивали мнимые и реальные ошибки правительства и военного министерства, нагнетая обстановку в столице и крупных городах. Их соратники на фронте разлагали солдат. Обещаний со стороны большевиков было много. Для крестьян главный вопрос о земле. Народ простой, легковерный, на пустые обещания купились, пошли под знамена большевиков и были жестоко обмануты. Но это позже.

А вот немцы, работавшие в стране легально, сильно усложняли жизнь. Чтобы их арестовать и выслать, требовались серьезные доказательства вины. Если завербованную агентуру немецкой разведки еще можно было поймать на «горячем», то сами резиденты вели себя осторожно. У Германии был Вальтер Николаи и сеть разведывательных школ, чего не было еще в Российской империи. Сотрудники Охранного отделения из бывших армейских офицеров, прошедшие краткосрочные курсы. Училищ по подготовке контрраз-

ведчиков не было, хотя потребность была великая. Вся тяжесть борьбы с германской агентурой легла на Охранное отделение, Отдельный корпус жандармов, полицию. Даже в армии не было структуры контрразведки. Как итог – ни кадров, ни канцелярии, ни структуры, ни денег. Получалось – драка растопыренными пальцами против опытного кулачного бойца.

Первого немецкого шпиона Матвей арестовал в феврале 1915 года. Оказался русским, завербованным немцами, предал родину за деньги, как Иуда Христа. Вышел на него Матвей случайно. По служебным делам был на Адмиралтейских верфях. Обратил на себя внимание человек. Мужчина средних лет, судя по одежде, не рабочий, а служащий. В сухом доке стояла на ремонте подводная лодка. Они были еще не совершенные, практически ныряющие, поскольку долго находиться в подводном положении не могли. Тем не менее имели на борту торпеды, оружие грозное даже против больших кораблей. Мужчина воровато оглянулся, прошелся от носа лодки до кормы, причем не прогулочным шагом, а явно измеряя длину субмарины. Матвею поведение мужчины показалось подозрительным. Если он имеет допуск к работам, у него есть чертежи, зачем тогда измерять? Выходит – либо посторонний, либо из сотрудников, не имевших допуск к чертежам. На верфи вполне могли попасть не сотрудники. Проходили по пропускам поставщики комплектующих, представители некоторых государственных организаций.

Матвей решил проследить за гражданином. Филеров вызывать – так они явно не успеют, придется самому. Благо – он в гражданской одежде. Жандармская униформа привлекает излишнее внимание, Матвей старался ее лишней раз не надевать. Следил, держась на расстоянии. Да мужчина и не проверялся, ни разу не обернулся. Обычно, чтобы не показать, что опасается «хвоста», объект делает вид, что завязывает развязавшийся шнурок на ботинке. Тогда полуоборот назад естественно выглядит. Женщины же смотрятся в карманное зеркальце. Кто заподозрит в чем-то предосудительном даму, которая проверяет – в порядке ли макияж? Не размазалась ли губная помада, не растрепал ли ветер волосы? А этот, с верфи, шел как ледокол. И прямым ходом в гостиницу «Астория». Для Матвея не секрет, что там гнездо немецкой разведки. Только человек уж совсем наивный или глупый напрямик пойдет в немецкое посольство. Тем более, с началом войны сотрудники посольства уехали через нейтральную страну, в данном случае в Швецию. Снаружи охрану посольства несла русская полиция. Аналогично поступили немцы. Все же тогда еще действовали традиции и неписанные правила. Перед началом войны страна-агрессор вручала ноту за три дня, давая время вывезти дипломатов, завершить какие-то срочные дела. Позже Гитлер презрел все традиции, его примеру последовали другие.

Ждать объект пришлось около получаса. В центре города укрыться от внимательных взглядов негде. В Санкт-Петер-

бурге стена одного дома примыкает к другому. Ни деревьев, ни лавочек. Фланировал неспешно в сотне метров. Опасался, как бы ни упустить объект. Кто знает, на какие заводы и фабрики имеет доступ этот тип. Даже если сведения его незначительны, то вкупе с данными других могут дать полную картину. Как говорится – курочка по зернышку клюет и сыта бывает.

Все же уловил момент, когда мужчина вышел. Явно повеселевший, он направился в ресторан на Казанской. Видимо, не в первый раз. Потому как бросил подошедшему официанту.

– Как всегда!

Матвей слышал через приоткрытую дверь из вестибюля. По случаю войны часть персонала сократили – гардеробщица, метрдотеля. Да и меню стало значительно короче, а цены выше.

В зале всего два человека, и обращать на себя внимание объекта не хотелось. Вышел на улицу. И был бы один, да в Казанском соборе закончилась служба, высыпал народ.

Матвей злился. Что можно делать в ресторане целый час? Оркестр не играет, танцев нет. Впрочем, в зале ресторана женщин нет, танцевать не с кем.

Объект вышел, физиономия довольная, сытая. А Матвей есть хотел, да устал, с утра на ногах. Объект пересек Екатерининский канал по Мучному мосту и зашел в парадное дома по Москательному переулку. Матвей забежал в парад-

ное следом, успел увидеть, как объект мелькнул на лестнице перед третьим этажом, потом щелчок дверного замка и хлопнула дверь. Немного выждав, Матвей поднялся на третий этаж. Ага, квартира номер девятнадцать. Спустившись, нашел дворника, показал жетон.

– Слушаю, ваше благородие.

– Кто в девятнадцатой квартире живет?

– Так мещанин Иванов.

Мещанином называли человека, имевшего свою недвижимость – квартиру или дом и живущего работой – либо ремеслом, либо торговлей, либо промыслом. То есть не наемный работник, продающий свои руки владельцу фабрики или мастерской. Обычно это человек, твердо стоящий на ногах, по наблюдениям Матвея, обычно они в политических партиях не состояли и тем более не участвовали в акциях, вроде маевки или, упаси господи, в экспроприациях. По мировоззрениям обычно монархисты, желавшие спокойной, размеренной жизни без потрясений. Тем удивительнее для Матвея видеть в мещанине германского шпиона. Или алчность, возможность заработать на предательстве своей Родины деньжат, перевесила порядочность, патриотизм, да даже здравый смысл.

– А чем занимается господин Иванов?

– Не могу знать.

– Семейный ли человек?

– Вдовец, о прошлом годе супружница преставилась, а де-

тишков Господь не дал.

– Выпивает?

– Исключительно по большим праздникам. Видел как-то, бутылку «Смирновской» покупал в магазине. Но чтобы пьяным – никогда. И табаком не балуется.

– Друзья-приятели к нему заходят ли?

Дворник задумался.

– Не припомню, вроде нет.

– Ладно, благодарю за службу. О нашем разговоре – никому!

– Нешто мы не понимаем?

От дома Иванова Матвей сразу в полицейский участок. Здесь на Иванова учетная карточка. Уроженец Пскова, образование – гимназия, вдовец, владеет двумя магазинами, один по продаже швейных машин, другой – по торговле велосипедами. Под следствием не находился, в компрометирующих действиях не замечен, в политических движениях не участвует, благонадежен. Характеристика почти полная, только последний пункт о благонадежности вызвал у Матвея сомнения. Да и то их подтвердить надо фактами. На верфи был? Еще не преступление, как и визит в «Асторию».

Может, приятель у него там работает или знакомый из другого города приехал и там остановился. Служба научила не делать поспешных выводов.

В Охранном отделении под наблюдением данный гражданин не состоял. Тем не менее Матвей оформил заявку на на-

ружное наблюдение филерами. Выудят что-нибудь интересное, надо будет объект разрабатывать.

Несколько дней занимался повседневными делами – отчеты, подчиненных заслушивал, давал указания, Иванов на второй, а то и на третий план отошел. Как вдруг вечером телефонный звонок из службы наружного наблюдения.

– Матвей Павлович, по вашему объекту кое-что интересное есть. Мне зайти или вы заглянете?

– Сейчас буду.

Начальник наружной службы недавно сменился, но штабс-ротмистр опыт работы имел изрядный. Поздоровались, Матвей на стул уселся.

Главный филер ему несколько листков протянул.

– Рапорты агентов о наблюдении.

Три листка за три дня. Первый день наблюдения – ничего предосудительного. Занимался магазинами. Зато на второй день к полудню, подошел в столовую, что напротив Путиловского завода. Завод один из крупнейших в городе, выпускает и пушки, и броневые плиты, и много чего еще. Завод не казенный, а частный, но, к примеру, выпускал трехдюймовых полевых пушек больше, чем все остальные пушечные заводы – Обуховский, Пермский.

У Матвея сразу интерес к Иванову. Что торговцу велосипедами надо на Путиловском заводе? А интерес у мещанина был, поскольку филер зафиксировал встречу объекта с сотрудником завода. Причем Иванов передавал сотрудни-

ку деньги. Старался сделать передачу незаметной, да сотрудник неловким оказался, несколько купюр уронил, наклонился доставать, потом сложил и в карман сунул. Конечно, деньги могли быть карточным долгом, но обычно такой долг отдают не в обеденный перерыв, а вечером, за игральным столом.

В общем, подозрения усиливались. Да еще в обществе ходили разговоры об измене, о предательстве в верхах. Весной 1915 года обнаружили просчеты Генштаба при планировании запасов вооружения и боеприпасов. Так, мощности трех оружейных заводов страны – Сестрорецкого, Тульского и Ижевского – позволяли до войны выпускать по 525 тыс. винтовок в год. Но быстрыми темпами наращивали производство и к началу 1917 года выпускали уже 1 млн 600 тыс. винтовок в год. В первый же год войны дефицит винтовок составлял 7 млн и сокращался медленно из-за потерь на фронте, из-за необходимости вооружать все более возрастающее количество мобилизованных.

Пулеметы выпускал только Тульский оружейный завод, до 700 штук «максимов» в год. В войсках и на складах имелось 4157 штук. За годы войны выпуск пулеметов вырос в 25 раз, до 28 тысяч. Но потребность армии была 110 тысяч. Из Америки было доставлено по закупкам 33 808 штук. Перед началом войны, в 1914 году Российская империя имела в армии 7088 орудий, из них крупного калибра только сорок. В войсках же Германии и Австро-Венгрии пушек было 14 446,

в том числе тяжелых крупнокалиберных 996.

Заводы бы и рады увеличить производство, однако испытывали острый недостаток в металлообрабатывающих станках, инструментах, качественной стали. Станки и инструменты почти все заграничные – немецкие, французские, английские.

На флоте ситуация была не лучше. Например, на Балтике у России была бригада подводных лодок из двух дивизионов. Лодки первого дивизиона имели «рыбные» имена – «Минога», «Акула», «Макрель», «Окунь». Создавались под руководством полковника И. Г. Бубнова еще во время русско-японской войны, уже безнадежно устарели. Самое скверное – на лодках стояли немецкие двигатели, которые выработали свой ресурс, нуждались в капитальном ремонте. Только одна лодка – «Акула» – могла двигаться самостоятельно. Другие выводились на позиции буксирами. Кроме того, торпеды были несовершенны, имели конструктивные недостатки, не выдерживали погружения, тонули. Потому в 1914–1915 годах дивизион не смог одержать ни одной победы, не был потоплен ни один корабль.

Конечно, отсутствие громких побед на фронте и на море порождало разговоры о предательстве в царском окружении, о бездарности генералов. Большую лепту вносили большевистские агитаторы на фронте и в тылу. На фронте они разлагали армию изнутри, в столице множили слухи о предательстве, в том числе военного министра В. А. Сухомлинова.

Генерал от кавалерии участвовал в боевых действиях, имел множество наград. Решения принимал быстро, но к глубокому анализу событий и выводам был не способен. Со 2 декабря 1908 года занимал пост начальника Генштаба, а с 11 марта 1911 года пост военного министра. Его трудами был создан императорский военно-воздушный флот, автомобильные части, пулеметные команды и военная контрразведка, пока довольно слабая.

Из-за множащихся слухов, да еще нашептываний государю почти ежедневно, царь обвинил Сухомлинова в неспособности руководить армией и 12 июня 1915 года уволил генерала с поста министра. Началось расследование, 21 апреля 1916 года он был арестован, находился в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Потом был выпущен под домашний арест, снова арестован, его осудили и поместили в «Кресты». В возрасте семидесяти лет по амнистии был освобожден большевиками, сразу выехал с женой в Финляндию, откуда в Веймарскую республику. Умер второго февраля 1922 года и похоронен на русском кладбище Тегель в Берлине.

Филер попался опытный, со стажем. Довел Иванова до дома, а к окончанию смены на Путиловском заводе подошел к проходной. Стоял в сторонке и высматривал второго участника встречи. Завод огромен и проходных несколько, неизвестный мог выйти в другом месте. Но филеру повезло, объект его интереса вышел здесь. И филер благополучно про-

следовал за ним до дома, через дворника вызнал фамилию, имя и отчество.

Матвей одобрил действия филера.

– Толковые у тебя люди, Константин Васильевич!

Дальше – проще. Конечно, пришлось походить. Зато по адресу и фамилии получил в полиции данные, наведалься на завод. Оказалось – интересующий его объект работает инженером на пушечном производстве. Конечно, трехдюймовка для немцев не секрет, они уже не одно орудие смогли захватить в ходе боевых действий, изучить и отстрелять, изучив характеристики. Но инженер знал возможности завода, его мощность. По числу выпущенных пушек можно было определить количество формируемых артиллерийских батарей и бригад. Так что, непрост продавец велосипедов, имеет двойное дно, и чем скорее обезвредит его Матвей, тем меньше сведений дойдет до немцев. Будь его воля, пристрелил бы предателя в подворотне сам и рука не дрогнула. Но торопиться нельзя, необходимо выявить всю сеть, собрать улики. Чтобы одним ударом уничтожить всех, да еще с убедительными доказательствами для трибунала. Дела об измене Родине велись не в судах, а трибуналах и наказания следовали жесткие, вплоть до смертной казни.

Матвей оценил возможную угрозу со стороны Иванова. Предатель мог иметь не одного информатора, а несколько, до десятка. И надо выявить всех. Потому требовалось плотное наружное наблюдение, да не одним филером, чтобы Иванов

не обнаружил, наблюдатели должны меняться хотя бы два раза в день. Начальник Охранного отделения заявку подписал, но Константин Васильевич за голову схватился.

– Где я тебе столько людей возьму? Из старых сотрудников кто на пенсию вышел, а кого и мобилизовали в армию.

– Да ты пойми, вышли на целую сеть. Каждого надо выявить, а как это сделать без филеров?

Любую информацию – письмо, инструкцию, чертеж, можно передать только при личной встрече. Радиостанции уже существовали, но были громоздки и применялись в основном на кораблях. Там их габариты и вес были не критичны. Потому в разведке распространение получили позже.

Иванов оказался человеком общительным. Причем не в плане дружеских отношений. Встречался с мужчинами, короткий разговор максимум на четверть часа и расходятся. Разговор явно деловой. И филерам, согласно указаниям Матвея, приходилось следовать за контактером. Их круг рос, за десять дней наблюдения двенадцать встреч. Каждого из мужчин надо отследить, выявить – кто такой, где работает, чем интересен Иванову? Следственное дело на столе у Матвея росло на глазах. Доклады филеров о встречах в самых разных местах города, следом рапорты о них, с кем встречался. Удача, если кроме адреса и фамилии филеру удавалось узнать место работы. Ни одного безработного или мелкого лавочника среди контактеров не было. Сплошь список военных заводов, казенных и частных. Однобокий интерес у

Иванова! Надо полагать, что у германских агентов, окопавшихся в гостинице «Астория», такой Иванов не один. Тогда получается – весь город окутан разведывательной сетью. Что самое занятное – все заинтересованные службы империи об этом шпионском гнезде знали. Но германцы работали под прикрытием журналистов известных австрийских газет, и арестовать их без веских на то доказательств такой деятельности, стало быть, вызвать бурю протестов либеральной общественности даже среди стран-союзников, в первую очередь Франции и Англии. А пока для Матвея неясно даже было, с кем из немцев конкретно встречается Иванов, кто дает ему задания и деньги? Руки иной раз чесались пристрелить Иванова в подворотне. А если у него есть заместитель, который станет руководить сетью? Надо сначала выявить всех, кто поставлял Иванову военно-промышленные секреты, кто предал интересы страны за деньги. К сожалению, в годину катаклизмов в любой стране находились изменники, которые за деньги продавали все известные им секреты. Всегда есть отщепенцы, ненавидящие свою страну, свой народ, причем иной раз занимающие не рядовые посты.

Иванова обложили, как могли. На телефонной станции посадили прапорщика. При звонках из квартиры Иванова или на квартиру телефонистки сразу подключали сотрудника для прослушки, фиксировали номера. После каждого дежурства прапорщик писал рапорт – с какого номера телефонировали, адрес звонившего, содержание разговора. На пер-

вый взгляд разговоры безобидные, даже нелепые.

«Купил восемь мешков ржи и два мешка пшеничной муки. Сверх того двенадцать картофелин».

Ну кто в здравом уме отчитывается о покупке двенадцати картофелин? Тогда уж в фунтах или пудах. Да и не мужской разговор, если только предположить – зашифрованное сообщение. Под мешками может подразумеваться что угодно – корабли, пушки, вагоны со снарядами, самолеты. И таких странных звонков было несколько. Обычно телефонировали в семь часов вечера, время явно обусловленное.

Адреса некоторых абонентов совпадали с адресами контактеров, с кем встречался Иванов. Некоторых в списках Матвея не было. Но в целом размах размеров сети Иванова оказался большим. Матвея оторопь брала и душило негодование – утекают военные и промышленные секреты. И поражения русских войск не только и не столько следствие бездарности генералов, сколько неготовность промышленности к войне, абсолютно недостаточные складские резервы и предательство. И, борясь в тылу с германской агентурой, Отдельный корпус жандармов, Охранное отделение, полиция делали все, что могли, вносили свою лепту в борьбу с врагом.

Обычно Иванов посещал гостиницу «Астория» раз в две недели, как по расписанию. Подходило время, когда он должен был идти на встречу с немцами. И явно не с пустыми руками. Самый удобный момент для его ареста, потому как какие-нибудь компрометирующие его бумаги могут быть при

предателе. А такие записи – улики, являющиеся вещественными доказательствами. Матвей направился к начальнику Охранного отделения за санкцией на арест. Все же в разработке группы Иванова задействованы офицеры группы Матвея, а еще значительный состав отдела филеров, они менялись ежедневно, чтобы не примелькаться. А где же еще их столько взять? Это еще хорошо, что не уменьшилась численность сотрудников Охранного отделения. Шеф Отдельного корпуса жандармов понимал важность борьбы с немецкой агентурой и врагами внутренними, в первую очередь с большевиками. Эсеры и меньшевики, другие партии, на время войны, как патриоты Отечества, от политической борьбы отказались.

Полковник пролистал пухлое следственное дело.

– Если арестуем, не вытащим пустышку? Вдруг он пустой?

– За время наблюдения филерами не перепроверялся ни разу. Полагаю – чувствует себя в полной безопасности.

– Хорошо, арестовывайте, только в малолюдном месте.

Вдруг окажется вооруженное сопротивление, могут быть случайные жертвы.

Когда речь шла о пустышке, имелось в виду наличие при себе у Иванова компрометирующих записей. В том, что он посещал гостиницу «Астория», ничего предосудительного нет. Скажет – посещал любовницу.

В течение нескольких лет в Охранном отделении столицы сменилось несколько руководителей. Кто на повышение

пошел, как Герасимов, кто убит был, но такая начальственная чехарда на пользу делу не шла. Для того, чтобы вникнуть в детали, войти в курс, надобно не менее года. А новый руководитель – полковник Константин Иванович Глобачев был назначен 11 февраля 1915 года и успел прослужить всего пару месяцев. Боялся совершить ошибку, осторожничал. Забегая вперед – уже первого января 1916 года высочайшим указом произведен в генерал-майоры.

В этот же день Матвей сформировал группу захвата. Сам он собирался с поддержкой двух нижних чинов захватить Иванова. Офицеры из его группы с приданными фельдфебелями должны арестовать всех контактеров Иванова. При чем их надо было взять раньше Иванова и за один день. Иначе, случайно узнав об аресте Иванова, скроются в губерниях. Поди их потом, сыщи.

Матвей подробно проинструктировал каждую группу. Нагрузка на них большая. Сотрудников мало, а произвести аресты за день каждые должны по три предателя.

С утра начались аресты. Некоторых взяли утром на заводской проходной. Других у дома, где проживали, третьих на трамвайных остановках. Их привозили в Охранное отделение, Матвей вел допросы, затем отправлял во внутреннюю тюрьму. Кто-то все отрицал, другие сразу начинали давать показания. И уже были основания для ареста Иванова.

Допросы шли до полуночи. Когда человек из обычной обстановки попадает под арест, да еще с перспективой трибу-

нала, да серьезным приговором, бывает шок. Уже в камере переосмыслит, начнет все отрицать.

Даже первоначальных допросов Матвею хватило, чтобы понять – Иванов, а от него и германская разведка, сведения получили ценные, объемные. Злоба в душе поднималась, да не только она, целая гамма чувств – ненависть и презрение к предателю, желание самому, своими руками, удавить гада. Чтобы мучился, подыхая, пытался сделать еще вдох, чтобы уделался от страха за свою ничтожную жизнь. Предателей Матвей ненавидел даже сильнее, чем врагов. Неприятель не скрывается, действует открыто. А предатель наносит удар в спину, сообщает врагу секретные данные, ослабляет свою армию и способствует победе врага. Он хуже врага!

Рано утром на служебной пролетке подъехали к дому Иванова, остановились в десяти шагах от арки, ведущей во двор. Вся группа из трех человек в штатском, чтобы не насторожить Иванова. Что-либо заподозрив, он может выкинуть записи и утверждать, что эти бумажки не его и он их видит впервые и записи подбросили жандармы с целью провокации.

Прошло около часа, пока из арки вышел Объект. В шляпе-котелке, пальто, в руке саквояж. На стоящую пролетку внимания не обратил. Упущение с его стороны, беспечность! Да это и понятно, каких-либо специальных учебных заведений по профилю разведки еще не существовало ни в одной стране, а поднатаскать агента у германцев не было ни време-

ни, ни желанья. Матвей, а за ним оба фельдфебеля сразу покинули пролетку и бегом за Ивановым. Тот услышал топот ног, обернулся, отбросил саквояж и попробовал убежать. От крепких фельдфебелей не уйдешь! Один из служак догнал, сбил с ног, тут же подбежал другой, заломили руки за спину, поставили на ноги. Матвей обыскал его лично. Оружия нет, в кармане пиджака обнаружил портмоне, но в нем кроме денег ничего, никаких записей. Открыли саквояж. Иванов сразу кричать стал, что саквояж впервые видит и это провокация.

– Это ты трибуналу расскажешь! На содержимом наверняка отпечатки твоих пальцев найдем. А сейчас я объявляю вас арестованным по подозрению в измене Родине!

Уже в Охранном отделении раздели донага, тщательно осмотрели одежду, прощупали каждый шов. Потом сняли отпечатки пальцев, отдали саквояж с содержимым специалисту по дактилоскопии. Пока специалист в своем кабинете выявлял отпечатки на содержимом, Матвей начал допрос. Иванов отрицал всё – визиты в «Асторию», встречи с информаторами. Отрицать очевидное было бессмысленно, уже были протоколы допросов за вчерашний день контактеров Иванова, имелись рапорты филеров. Трибунал примет их во внимание. А отказ Иванова сотрудничать со следствием лишь усугубит вину. Впрочем, что может быть хуже смертного приговора через повешение? К военным служащим применяли расстрел.

Допросы всех фигурантов дела, очные ставки, шли две

недели. У Матвея уже глаза уставали от постоянной писанины. Все показания надо задокументировать.

Причем с каждым днем количество фигурантов множилось. Те, кто контактировал с Ивановым, получал от него деньги, выдавали своих знакомых или сослуживцев, которые вольно или случайно выдавали какие-либо секреты. Уже и следственная тюрьма при Охранном отделении переполнена. Счет арестованных перевалил за три десятка, так это только по одному делу, которое вел Матвей. У других офицеров свои следственные дела и свои арестованные.

Потом начались заседания трибунала. Германские агенты, свившие гнездо в гостинице «Астория» под прикрытием журналистов, представителей промышленных компаний, почувствовали, что запахло жареным. Начали поодиночке, чтобы не привлекать внимание, покидать Россию. Выезжали в Финляндию, на территории которой боевых действий не велось, оттуда в нейтральную Швецию, пароходом в Германию. Совместными усилиями Охранного отделения и Генерального штаба удалось выдворить всех германских подданных, свивших шпионское гнездо в «Астории». Однако Матвей сомневался, что немцы не оставили агентуру. Слишком долго и безнаказанно действовали.

Сводки с фронтов не радовали. После первых успехов русской армии фронт вначале замер, потом стал откатываться. Больницы и госпитали в городе были переполнены. И почти каждый день в столицу приходили санитарные поезда,

привозили тяжелораненых. Легкораненые, кого можно было быстро поставить в строй, лечились в лазаретах на небольшом удалении от линии фронта. Победные репортажи газетных статей сменились. Журналисты и представители партий вопрошали: в чем причины поражений? Нет ли измены или продажности командования? Как всегда, журналистам хотелось «жареных» фактов, в корень проблем никто из них не вникал. Для этого нужен ум аналитический и точное знание тактики, предпринятых генералами действий, наличия планов и резервов. Матвей, как и другие офицеры жандармерии и армии, журналистов не любил, слишком вольно обращались с фактами.

В Петербурге с продуктами становилось напряженно, и Матвей отправил жену на дачу к родителям. И мама ее рядом живет. Местность сельская, прожить легче, деревенские приносят дачникам на продажу молоко, масло, сметану, картошку и прочие овощи. В такой ситуации Матвей, как и другие офицеры, предпочел бы получать продовольственный паек, а не деньги.

Матвей принял правильное, как потом оказалось, решение. Перевез жену Александру в Ольгино, на дачу к родителям. Тем более ее мама в соседнем доме жила. Вместе выжить легче. Да и многие коренные петербуржцы, у кого была родня в деревне, покинули город. Но позволить себе переезд могли только те, кто не работал – жены и дети рабочих, ремесленников.

Да и не Петербургом город ныне именовался. Матвей родился и вырос в этом городе, закончил военное училище, служил в жандармерии, свыкся с этим названием. Но с началом войны все немецкое – названия, продукты, фамилии – стали народу ненавистны. И Государственная Дума приняла решение переименовать Санкт-Петербург в Петроград, на русский манер. Город Петербургом наименовал его основатель – Петр Великий, и Матвей нового наименования душой не принял. Однако название продержалось десять лет. И только после смерти В. И. Ленина большевики дали городу название Ленинград. Но и оно продержалось немногим более шестидесяти лет, город вновь принял историческое имя.

Немцы на фронтах давили, нанося ущерб в живой силе массированным артиллерийским огнем. На южном фланге русские войска вынуждены были отступить за реку Сан. С 24 мая по 2 июня немцы наступали под Перемышлем и вернули контроль над городом, который до войны представлял собой пограничную австро-венгерскую крепость. А с 7 по 15 июня начались ожесточенные, кровавые бои за Лемберг (ныне Львов). Не в силах отстаивать город, неся потери, императорская армия 9 июня оставила город, а в июле и вовсе ушли из Галиции и остановились на рубеже Холм – Владимир-Волынский.

Матвея снова направили в командировку в действующую армию. Надо было допросить одного из командиров батальона пехотного полка. До войны полк стоял в Самаре и недав-

но, при ревизии, открылись хищения с полковых складов. Офицер мог быть свидетелем или соучастником. Дело расследовал не Матвей, другой офицер, но тот был загружен, а Матвей только закончил дело Иванова и передал в трибунал. В жандармерии, как и в армии, приказы не обсуждают. Получил документы, вечером уже выехал. Полк располагался на передовой недалеко от Владимира-Волынского. Казалось бы, чего проще? Допросил под протокол и был таков. Дальше добираться.

Батальон в обороне, два ряда траншей, впереди частокол деревянных ежей, натянутая колючая проволока. С обеих противостоящих сторон изредка постреливают из винтовок. Только Матвей начал допрашивать комбата, как немцы открыли огонь из пушек. Сначала разрывы пришлись по проволочным заграждениям, потом по окопам. Солдаты забились в блиндажи. При попадании снарядов крупного калибра наспех сделанные блиндажи с накатом из бревен в три-четыре слоя не помогали. При точном попадании блиндаж становился братской могилой. Не более четверти часа велся огонь, а траншеи обрушились на десятки метров. То и дело слышались крики: «Санитара!»

Огненный вал дальше пошел, на ближние тылы. Пехотный капитан обеспокоился.

– Сейчас немцы в атаку пойдут! Всегда так. Сначала огонь из пушек, потом наступление.

И выбежал из блиндажа. Матвей за ним. Осторожно при-

поднял голову над бруствером, а уже видны наступающие цепи германцев. В полусотне метров справа заработал «максим». Матвей подосадовал – рано! До немецких цепей еще далеко и огонь неэффективен. А кроме того, пулеметчик выявил свою огневую точку. Наступающая цепь залегла. Матвей подумал: пулеметному расчету самое время сменить позицию. Обычно в обороне для пулеметов готовились две-три позиции и в бою, при небольшой передышке, расчеты меняли позицию. То ли промедлили, не получив приказа ротного командира, то ли другая причина была? А только немцы позицию засекли, раздались два разрыва, накрытие точное, пулемет смолк. Немцы снова поднялись в атаку, подгоняемые офицерами. С нашей стороны только винтовочные выстрелы. А где же пушки? Почему молчат?

Матвей побежал по полуразрушенной траншее вправо. Одна стрелковая ячейка, другая. Солдаты в них ведут огонь. До германцев метров пятьсот. Точно поразить цель из трехлинейки на такой дистанции может только опытный стрелок. А откуда им в полку взяться, если половина новобранцы, по большому счету пороха не нюхавшие и стрелявшие в учебной команде всего несколько раз. Подобрался к месту, где пулеметный расчет был. Все три бойца наповал. Пулемет цел и даже лента заправлена. Матвей оттащил тело наводчика в траншею, освобождая место. Встал за пулемет, прикинул дистанцию, внес в прицел поправку, опустив на пару делений.

Немцы бегут молча, экономят силы. Все ближе, уже

виден шишак на шлеме германского офицера. Винтовочная стрельба от русских траншей усилилась. К пулеметному гнезду прибежал комбат, которого допрашивал Матвей. Увидел и убитых и Матвея за пулеметом.

– Очень кстати, господин ротмистр. А-то я обеспокоился – почему пулемет молчит?

– Мне бы второго номера. И еще – где запасная позиция?

– Справа, полсотни шагов. А помощника подошлю.

Комбат убежал. Ему сейчас надо организовать отпор сильно поредевшего батальона. И Матвей ему не завидовал. После интенсивного артобстрела людей в батальоне стало меньше. Кто-то убит, другие получили ранения или контузии. Протяженность оборонительного участка для батальона и так была велика, а после артналета ситуация складывалась почти катастрофическая. Но и Матвей знал, что имея три-четыре пулемета, можно остановить наступление пехоты. Пока пулеметы молчали. Либо наводчики, которые именовались первыми номерами расчета, люди опытные и подпускают вражескую пехоту поближе, чтобы потом расстрелять наверняка, с наименьшим расходом боеприпасов и с наибольшим эффектом. Либо, о чем думать не хотелось, расчеты погибли, а пулеметы повреждены. Пожалуй, пора!

Матвей поймал в прицел фигуры германцев, в первую очередь офицера, дал короткую очередь. Офицер и двое солдат по соседству упали. И он открыл интенсивный огонь. Стволом влево и вправо, выкашивая цепь. Когда германцы

не выдержали, залегли, немного опустил ствол и снова прошелся железной метлой по лежащим. Лента закончилась. За своей стрельбой не слышал, что слева и справа вели огонь еще два пулемета. Причем стреляли точно, ибо вся наступающая цепь залегла, понеся потери. Матвей откинул крышку ствольной коробки, вставил новую ленту, дернул на себя рычаг мотыля. Пулемет к стрельбе готов. Протянул руку, потрогал кожух ствола. «Максим» имел водяное охлаждение, без перерыва мог выпустить две полные ленты по двести пятьдесят патронов каждая. Потом следовало или сменить воду или дать остыть. Осмотрелся в ячейке. Оцинкованная цилиндрическая канистра есть. Приподнял, полная. Решил сменить позицию. Эту немцы уже пристреляли, не зря вlepили по ней два снаряда. Да еще и Матвей стрельбой себя демаскировал. Одному сложно. Обычно пулемет снимают два человека, вес щита, тела и станка больше семидесяти килограммов. Да еще и размер велик, одному неудобно. Все же поднатужился, снял пулемет, поставил на дно траншеи. Дальше легче. Станок Соколова образца 1910 года имеет два колеса, перекачивать его легко. Покатил вправо, как говорил комбат. Здесь и вправду оказалась оборудованная ячейка. Сзади топот ног. Матвей выхватил револьвер, а это оказался солдат, посланный комбатом на помощь.

– Берись, боец, за пулемет, надо установить на бруствер.

Поднатужились, подняли.

– Тебя как величать, солдат?

– Тимофей, тверской я, второго года службы.

– Идем, Тимофей, в другую ячейку, надо поднести коробки с патронами.

Сходили к старой пулеметной позиции, нагрузились коробками, перенесли. Оставался еще деревянный ящик, в котором еще патроны в обойме. Такие поставлялись с завода для зарядания винтовок. Но из-за нехватки боеприпасов поставлялись и в пулеметные команды. Тимофей отправился за ящиком, Матвей взялся за ручки пулемета, повел стволом вправо – влево, оценивая сектор обстрела. Послышался нарастающий свист снаряда. Матвей присел в ячейке. Взрыв! Сразу за ним еще один. Первый снаряд лег с недолетом от первой пулеметной позиции, второй с перелетом. Классическая артиллерийская «вилка» при пристрелке цели. Сейчас наблюдатель будет дробить и третьим снарядом угодит по цели. Матвей приподнялся.

– Тимофей, беги оттуда!

Свист снаряда. Матвей присел на дно ячейки. Взрыв! Несколько минут тишины.

– Тимофей, ты жив?

Матвей спросил еще раз, безответно. Побежал к первой позиции. Тимофей лежал в траншее рядом с пулеметной ячейкой. Рядом с ним разбитый осколками патронный ящик. Гимнастерка солдата в крови, сам не дышит. Эх, Тимофей! Надо было бросать ящик, бежать в любое укрытие. Засекли немцы пулеметное гнездо, подавили. Матвей вовремя поме-

нял позицию, а то лежал бы сейчас вместо Тимофея.

Снова нарастающий свист снаряда. Матвей бросился за поворот траншеи, упал на дно. Взрыв совсем рядом, Матвея подбросило, на какое-то время заложило уши. Когда траншеи копают, специально не делают их прямыми, а зигзагами. При попадании мины или снаряда в траншею осколки тогда не летят далеко и могут поразить только тех, кто на маленьком участке. Правила фортификации выстраданы кровью и потерянными солдатскими жизнями.

Матвей поднялся, потряс головой. Слух стал возвращаться. Частую винтовочную стрельбу услышал на русских позициях. За бруствер выглянул – немцы снова поднялись и наступают. И цель уже недалеко, сто метров, фактически один бросок. Кинулся к пулемету, открыл огонь. Стволом влево-вправо, не снимая больших пальцев с гашетки.

Огонь его оказался неожиданным, кинжальным. Для пулемета сто метров – не дистанция. Немцам укрыться негде. Сначала залегли, потом заметались, пытаются найти хоть какое-то укрытие – воронку от снаряда, бугорок, даже за труп убитого камрада залечь. Лента закончилась, Матвей заправил другую. Минуту-другую пулемет молчал, немцы осмелели, начали поднимать головы. Потом поднялись и жиденькой цепью к русским траншеям. Матвей отчетливо видел, что офицеров среди германцев уже нет, командовали фельдфебели. Форма у них такая же, как у солдат, но оружием личным не винтовка служит, а пистолет. Как раз перед Матвеем

один такой. Пистолетом взмахивает, кричит что-то. Звуков не слышно, еще далеко, но видно, как широко разинут рот.

Матвей прицелился, дал короткую очередь в три-четыре патрона. Фельдфебель упал, Матвей короткими очередями по солдатам. Залегли германцы. Погонять их на русские траншеи некому, все командиры убиты. Ситуация шаткая. Сейчас бы поднять батальон в атаку, отбросить немцев, а если удачно получится, то на их плечах ворваться на немецкие позиции. Правда, батальон далеко неполного состава, хорошо, если половина штатной численности осталась.

Глава 2

ГЕРМАНСКАЯ АГЕНТУРА

Матвей повернул голову влево-вправо. Из наших окопов и траншей редкая стрельба. Чего медлит комбат? Самое время поднять солдат, отбросить германцев. И понял – надо брать инициативу на себя. Он офицер и давал присягу. Что из того, что он числится за Охранным отделением? Сейчас он на передовой и должен исполнять свой долг. С револьвером бежать несерьезно, это оружие ближнего боя, для стрельбы на 10–15 метров. Лучше винтовку с примкнутым штыком. Вернулся на первую пулеметную точку, где убитый Тимофей. Снял с него трехлинейку. Теперь не страшно и в штыковую атаку. Германцы их боялись, считали приемом варварским. Вдохнул пару раз глубоко, полной грудью. Страшно подняться первому на бруствер. На него будут смотреть и германцы и русские. Немцы откроют огонь. Первому тяжелее всех, а второму, пятому, десятому уже проще. Все поднялись в атаку, и ты бежишь. И стреляют не только в тебя. И уже не так страшно, когда слева и справа твои товарищи.

Взобрался на бруствер, встал во весь рост, в правой руке вскинутая винтовка.

– Батальон! Слушать мою команду! В атаку – вперед!

И побежал. Некоторое время, показавшееся Матвею веч-

ностью, ничего не происходило. Не стреляли немцы, не поднимались из траншеи русские. Никто не ожидал, не был готов. Первыми очухались немцы. В сторону Матвея прозвучали выстрелы. В бегущего человека попасть не просто, это не ростовая мишень на стрельбище, где обстановка спокойная. Матвей слышал, как рядом посвистывали пули. Наконец из русских окопов донеслось:

– Ура!

И нестройная стрельба. Полуобернулся. Из траншей и окопов неловко выбирались солдаты, бежали на германскую цепь, выставив винтовки. Поблескивали заточенные острия четырехгранных штыков. С каждой секундой русских солдат все больше и крик громче.

– А-а-а!

Когда кричишь, не так страшно. И уже несколько солдат Матвея догнали. Сапогами топчут, дышат тяжело. До немцев еще полсотни метров, потом тридцать. Не выдержали нервы у немцев. Вскочили и убежать бросились к своим позициям. Их командиры, если в бинокли наблюдали, рады бы помочь артиллерийским огнем или пулеметным, а своя же цепь мешает. А русские гонят, с коротких остановок стреляют в спины. А коли кто догнал врага – колет. Штыки на трехлинейках длинные, острые, одна беда, кольнул и быстро винтовку со штыком назад. Ибо если не успел, немец, падая, штык согнет. Гнулись, был такой врожденный недостаток.

Уже немецкие траншеи рядом, перед ними проволочные

заграждения, в которых сделаны проходы. Через них и ворвались на вражеские позиции. Здесь схватились врукопашную. Крики немцев, густой русский мат, звуки ударов, стоны раненых, хрипы умирающих – звуки жуткие. Уже на чужих позициях Матвей винтовку бросил. В траншее с ней неудобно, длинна, мешает. На коротких дистанциях револьвер куда сподручнее, стрельба накоротке. Из-за поворота траншеи немец выбежал, Матвей почти с ним столкнулся, выстрелил в упор. Немец упал. Траншея узкая, двоим не разойтись, Матвей прямо по телу убитого им германца пробежал дальше. В пулеметной ячейке борьба. Наш солдат с германским сцепился, не на жизнь, а на смерть борьба идет. В руке немца плоский штык от винтовки, наш боец в эту руку вцепился мертвой хваткой. Матвей выстрелил в немца дважды, потом подал руку солдату, помог встать с земли. Тот дышал тяжело, как будто после тяжелой работы.

– Спа... си... бо, ваш бродь!

– Одно дело делаем, не благодари.

Солдат отдышался, подобрал свою трехлинейку со дна окопа. Матвей откинул дверцу барабана, удалил стреляные гильзы, снарядил патронами.

– За мной!

И вперед по траншее. За ним солдат бежит. Оба-два вместе чувствуют себя увереннее. В траншее несколько трупов – наши и немцы. Рядом пулеметная точка, пулемет стоит, немецкий «максим». Тогда многие страны покупали у Хай-

рема Максима патент, выпускали его пулемет, но под свой национальный патрон. В России это 7,62x54R, в Германии 7,92x57.

Со стороны второй линии немецких траншей слышна стрельба. И, судя по звукам, приближается. Выглянул Матвей из траншеи. От второй линии, отстоящей от первой, где сейчас схватка идет, метров на триста, немцы бегут своим на подмогу.

– Братец, помоги!

Вдвоем переставили пулемет на другую сторону траншеи. Плохо, бруствера нет, а это все же земляное прикрытие от пуль. И на немецком пулемете отсутствует броневой щиток, как на русском «максиме». Но выбора нет.

– Поглядывай по сторонам, как бы по траншее германцы не подобралась, – приказал Матвей.

Сам за пулемет. Фортификационные сооружения у немцев по всем правилам сделаны. Линия обороны состоит из двух отстоящих друг от друга траншей, причем траншеи глубокие, можно в полный рост ходить. Стенки траншей досками обшиты. Немцы сгоняли на рытье окопов и траншей местных жителей, а на доски разбирали заборы или сараи аборигенов. При сопротивлении – стреляли. В общем, вели себя жестко, даже жестоко.

Матвей прикинул на глаз дистанцию, выставил прицел, открыл огонь. Немцы не ожидали интенсивного отпора. Пробежали еще немного, неся ощутимые потери, и залегли. Ви-

димом, кто-то из солдат, знакомых с пулеметом, обнаружил на немецких позициях еще пулемет и открыл огонь. Позже оказалось – не рядовой, а подпрапорщик четвертой роты. Два пулемета – уже сила. Не выдержали немцы, стали отползать, оставляя убитых и раненых. Еще звучали редкие винтовочные выстрелы с обеих сторон, но активные действия прекратились.

– Братец, как тебя?

– Рядовой Финогенов! – встал во фрунт солдат.

– Охраняй пулемет, чтобы не подобрался враг. Я пройду по траншее, надо посмотреть, сколько русских осталось.

– Слушаюсь, ваш бродь!

Матвей взял в руку револьвер. В траншее могли остаться раненые немцы. Да и просто здоровые остаться, спрятавшись в землянке. Будут выжидать удобный момент, чтобы к своим перебежать.

Трупов в траншее полно – и наших, и германцев. В одной из стрелковых ячеек сидел раненый немец, прижимал руки к животу. Мундир и живот разодраны – то ли осколком снаряда, то ли штыком, либо тесаком, которые выдавались артиллерийским расчетам. Немец еще был в сознании, но явно не жилец, из раны обширной кишки вылезли, раненый их рукой придерживал. А руки в грязи, в земле. Добил его Матвей выстрелом в голову, чтобы не мучился. Никакая медицинская помощь раненого не спасет, да и где он, госпиталь? Можно сказать – милосердие проявил. Наши солдаты в траншее

есть, но мало, один на десять-пятнадцать метров. Очень жиденькая оборона. Фактически вместо роты – взвод, если по численности смотреть. И всего два офицера – прапорщик и подпрапорщик. Матвей прапорщика попросил послать солдата в тыл, в полк, с просьбой о подмоге – людьми, боеприпасами. Иначе захваченную с трудом, с потерями, траншею немецкую не отстоять. Немцы подтянут из тылов резервы и отобьют потерянные позиции, если не вечером, так утром.

До сумерек немцы атак не предпринимали. Все же потери их велики. А к полуночи в захваченную траншею пришел полнокровный батальон, прямо с марша. И солдаты, и офицеры необстрелянные, пороха не нюхавшие. К Матвею, как старшему, подполковник подошел, поприветствовал.

– Вы комбат, ротмистр?

– Никак нет, господин полковник. Из столицы в командировку направлен, а попал в переplet. Так вышло – командовал остатками батальона.

В армии было принято подполковника называть полковник, считалось хорошим тоном, знаком уважения. Точно так же с подпрапорщиком, его именовали прапорщиком.

Так что официальной передачи батальона с передачей имущества, вооружения, боеспособных солдат, находившихся на излечении, находившихся на гауптвахтах и прочая не получилось. Матвей батальон не принимал, не расписывался в акте и сдавать не собирался. Однако с обстановкой подполковника ознакомил – два трофейных пулемета с за-

пасом патронов показал, пояснил, где немцы и какова предположительная численность.

– Полагаю – ждите утром атаки. Желаю удержать позиции. Честь имею.

Козырнул, выбрался из траншеи и зашагал через бывшее нейтральное поле. Уже через двое суток приехал в столицу. Первым делом в Охранное отделение, доложил, что допросить свидетеля не удалось, началось наступление германцев и подполковник погиб.

– Сдай отчет и двое суток отдыха.

– Есть!

На свою квартиру заходить не стал, сразу поехал на дачу. Там родители, там жена. А в квартире пусто, даже еды нет. На даче дровяная водогрейная колонка, можно ванну принять. Именно помыться хотелось больше всего, а еще поесть и спать. В реальных боевых действиях Матвей участвовал первый раз. Стрелять в людей приходилось и раньше, тех же боевиков. Но это была перестрелка из личного оружия – револьверов, пистолетов. А в сражении и под артиллерийский огонь попал и сам не один десяток германцев из пулемета положил. Было все же чувство морального удовлетворения, тоже внес свой вклад, пусть и небольшой, в кровопролитную войну. Батальону помог не только позиции удержать, но и немецкую траншею контратакой взять. Даже некоторая гордость была, полученные в военном училище знания не пропали даром, пригодились.

Поезда пришлось ждать два часа. Да и то повезло, по случаю войны расписание пассажирских и пригородных поездов не соблюдалось. А ведь до войны по отправлению или прибытию поезда можно было часы проверять.

И пассажиров в вагоне немного, большей частью в военной форме. Сошел, и чем ближе к даче подходил, тем шаг ускорял.

Домашние сидели в кухне-столовой на первом этаже, ужинали. Чай пили из самовара, вприкуску с кусочками пилевого сахара и кусочками хлеба. Нет ни баранок, ни ситного хлеба, ни конфет – как прежде.

Увидев Матвея на пороге, все вскинулись. Жена Александра кинулась обнимать, мама стала доставать чашку, блюдце, ложечку. Отец осмотрел сына внимательно. Не ранен ли, не хромает?

– Мой руки, сын, поснидаем. Не ожидали тебя в такую пору. Так вроде и не выходной?

– Начальство дало два дня отдыха. Помыться бы мне.

– Сейчас колонку затоплю. Чайку отопьешь. Или покрепче желаешь?

– Не хочу.

Мама расстаралась, вытащила варенье из запасов, масленку с деревенским маслом. Матвей на даче не был больше месяца, как-то бросилось в глаза, насколько постарели родители. Отец совсем седой, у мамы морщинок прибавилось. На себя подосадовал – мало времени родителям уделял. Все на-

бегами, все дела. А жизнь проходит. Да и жена его вниманием обделена. Отец, тот понимает – служба такая. А женщинам как объяснить? То террористы, то война. Жить-то по-человечески когда? Впрочем, сам избрал дорогу. Служить царю и отечеству – что может быть полезнее и нужнее?

Попили чай, поговорили неспешно. Родители об обстановке в столице расспрашивали, о положении на фронтах. Газеты на дачи доходили редко, чаще пользовались слухами. Приехал кто-нибудь из Петрограда, привез новости, поделился.

Матвей на карте отцу показал, где ныне линия фронта проходит. Об участии в бое благоразумно умолчал, зачем беспокоить отца?

Когда вода в бойлере согрелась, в ванну залез. Наслаждение какое! Тер себя мочалкой докрасна. Было ощущение, что не только пыль и пот смывает, но и воспоминания не самые приятные. Все же война – грязное дело. Политиков бы в вагоны, да на передовую, глядишь – и войн поубавилось.

После бани в спальню, почти сразу отец зашел, бросил взгляд. Матвей понял – смотрит, нет ли следов от ранений?

– Папа, я не ранен и не контужен. Успокойся.

– А что-то последнюю неделю душа не на месте.

Наверное, душа все же есть, почувствовал отец, что сын в опасности. Подошел Матвей к отцу, обнял крепко. Потом отпрянул, вроде как устыдился проявления чувств. В их семье не принято было делиться переживаниями, телесными

ласками. Насколько помнил Матвей, отец один раз погладил его по голове, когда он поранил ногу и не заплакал. Погладил и сказал.

– Молодец, мужчиной растешь!

И сейчас старого сыщика не обманешь.

– Как там на фронте? Опять в командировке был?

– С чего ты взял?

– Помыться ты бы мог и в городе. Стало быть – возможности не было. А ты в ванне полчаса откисал. Да и запах от тебя окопный.

– Правда? – удивился Матвей. Не знал, что такой бывает.

– В городе от тебя может пахнуть потом, самогонкой, ваксой, одеколоном, даже порохом, учитывая профессию. А окопники пахнут землей, страхом.

– И как же страх пахнет?

– Не объяснить. Сам позже узнаешь, хотя лучше бы и не знать.

– Отец, ты меня удивил.

– Поживешь с мое, сам таким станешь. Так что на фронте?

– Скверно. В батальонах некомплект, пулеметов не хватает. А еще не слышал, чтобы наши пушки стреляли. Держимся на стойкости и упорстве, на верности воинскому долгу.

– Это ты верно подметил. Однако долг на хлебушек не положишь и сыт им не будешь. Офицерство не подведет, воспитаны так. А с солдатами проблемы быть могут.

– С чего ты взял?

– Крестьянин на сладкие речи падок. В батальонах и полках жандармы нужны. Не пьянки пресекать, это дело взводных да ротных командиров. А крамолу выводить каленым железом. Появился пропагандист из любой партии, к стенке его сразу.

– Жестко!

– Солдат разложить проще, чем ты думаешь. Пообещает им жизнь спокойную и сытую, поверят. Сначала откажутся приказы командиров исполнять, потом и на штыки их поднять могут.

– Прямо апокалипсис. Не верится.

– Сын, я тебя никогда попусту не пугал. И лучше быть жестоким к сотне-другой пропагандистов, чем потом миллионы потерять. Велика Россия, но и она покачнуться может. На жалкую помощь Антанты внимания не обращай. Европейцы, даром что просвещенными кажутся, кичатся хорошими манерами, да каждый сам за себя. И помочь России могут, если им выгодно. Главный, вековечный враг наш – саксы, а вовсе не германцы. С немцами мы то воюем, то дружим против кого-нибудь.

Такого откровенного разговора с отцом не было никогда. Матвей поразился. Отец так говорит, как будто точно знает, видит будущее. Но это никому не дано. Или отец настолько серьезный аналитик, что способен делать выводы даже из малых исходных данных? Отцу Матвей всецело доверял. Это была не слепая вера в родителя. Просто все действия отца,

все его советы, прогнозы – всегда оказывались удивительно точными.

В комнату вошла мама.

– Павел, ты совсем сына заговорил. У него жена есть, тоже соскучилась. Завтра наговоритесь. Сын, ты же завтра не уедешь?

– Послезавтра вечерним поездом.

– Ну вот, видишь. Идем, Павел.

Только родители вышли, вошла Сашенька. Она любила, когда Матвей называл ее так. Александра – уж очень официально, а Шура – как-то по-деревенски, говорила она. Матвей по жене соскучился. Уже полгода они женаты, а Сашенька до сих пор не беременна. Это беспокоило. А с другой стороны – встречи редки. С началом войны Матвей бывал на даче не каждый выходной. Полагал – рано или поздно война закончится, тогда Сашенька вернется в Петроград, заживут они счастливой жизнью. На лето детей будут отвозить к родителям на дачу. Родителям внуки будут в радость, а детям на даче раздолье – море, лес, чистый воздух, продукты свежайшие. Но война шла с переменным успехом, затягивалась, и конца ей не было видно. Да еще слова отца из головы не шли. При женщинах он прогнозы свои не высказывал, зачем их расстраивать, пугать? Плохих новостей и так с избытком.

А как обнял жену, поцеловал, ощутил запах ее волос, тела – все мысли покинули голову. Любимая и желанная женщина стояла того, чтобы на какое-то время забыть обо всем на

свете, хотя бы на одну ночь.

Утром Матвей спал почти до полудня и проснулся от запаха чего-то вкусного. Домашние вели себя тихо, давая Матвею возможность отдохнуть. Он умылся, надел пижаму, спустился на первый этаж. Мама и жена уже пирожков напекли с луком, рисом и яйцом, какие любил Матвей. На столе уже исходил паром самовар.

– Ну, наконец-то, – улыбнулся отец. – Я думал – пирожки остынут, хотел будить.

Эх, до чего же спокойно и уютно дома! Война, агитаторы, шпионы – так далеко, где-то в другой жизни, и возвращаться туда очень не хочется.

Чай с пирожками пили не спеша. Фактически не завтрак получился, а обед, судя по времени на настенных часах. После еды Матвей с Сашенькой прогуляться вышли на берег. Солнце светит, на море полный штиль, искупаться захотелось. А попробовал рукой воду – холодная. Это не Черное море, не Крым.

В общем, получилось почти двое суток безмятежного отдыха, без войны, без тревог. Светлая отдушина, жаль только – очень короткая.

Вечером на поезд, который пришел с запозданием, чего прежде не бывало. А с утра на службу. Выслушал доклады офицеров своей группы, почитал отчеты информаторов. С началом войны их число убавилось, многих забрали в действующую армию. Особо интересного в информации не бы-

ло.

Через несколько дней Матвея вызвали к начальнику Охранного отделения полковнику Глобачеву. Матвей вошел, доложил.

– Садитесь, ротмистр. Что же вы, Матвей Павлович, о своих действиях в командировке умалчиваете? Рапорт в Отдельный корпус жандармов пришел. Писано командиром полка. Помогал отбить германскую атаку, умело ведя огонь из пулемета.

Полковник последние слова уже зачитывал из рапорта.

– Потом лично возглавил контратаку батальона, выбил германцев из первой линии траншей, удержал до подхода резервов. Было?

– Так точно. Я выполнял свой долг.

– Похвально.

Полковник походил по кабинету в раздумьях.

– Хорошо, вопрос прояснили. Вдруг ошибка? Не смею задерживать.

Матвей у дверей развернулся, кивнул, шелкнул каблучками. Своего рода офицерский шик. А через месяц полковник вызвал снова.

– Поздравляю вас, Матвей Павлович, с заслуженной наградой. Государь подписал Указ о награждении отличившихся в боях офицеров. И вы по заслугам попали в их число. В пятницу быть на службе в парадной форме.

– Есть!

Приятно, если твою добросовестную службу отмечают. Не всегда так бывает. Чаще за упущения ругают, а отличную работу считают чем-то само собой разумеющимся.

В назначенный день Матвей на службу явился при полном параде, при шашке. В повседневной жизни офицеры Охранного отделения шашку не носили. Она нужна кавалеристам в конном бою, а пешему только мешает. Матвей даже не помнил, когда кто-то из офицеров ее применял за последние годы. Револьвер куда как сподручнее, надежнее, любого убегающего остановит быстрее шашки.

На пролетке подъехали к Орденскому капитулу, куда прибыл и шеф Отдельного корпуса жандармов. Кроме трех жандармских офицеров награждали два десятка армейских офицеров и десяток флотских. Матвей получил орден Святого Владимира третьей степени. По случаю военных действий отметили скромно, по бокалу шампанского.

Ордена было принято носить при парадной форме. Следующим днем Матвей пришел на службу в повседневном голубом мундире, но сослуживцы о награде уже знали, поздравляли, намекали: обмыть бы надо. Пришлось заказывать столик в ресторане.

А еще через неделю после награждения Матвей увидел на столе у полковника Глобачева свое личное дело. Интересно было бы в него заглянуть. Туда подшивались ежегодные характеристики, сведения о наградах, как и выговорах, продвижении по службе. Личное дело на столе у начальства

свидетельствовало о грядущих переменах по службе. Наказывать вроде бы не за что, об упущениях в службе Матвей не припоминал.

Обычно все специальные службы имели привычку все бумаги на столе – следственные дела, уголовные, личные на сотрудников – переворачивать лицевой стороной вниз, чтобы никто из посетителей не мог увидеть, к кому проявляется интерес. Причем так действовали не только царская полиция или жандармерия, но и ЧК, НКВД при большевиках, КГБ и ФСБ в позднее время.

Гадать – зачем его личное дело на столе у полковника, не стал. Надо будет – Глобачев сам сообщит. Он и сообщил следующим днем о повышении Матвея в должности, он отныне начальник отдела. Подчиненных прибавилось, как и ответственности, небольшая ступенька вверх по карьерной лестнице. Жаль только, что денежное довольствие не повышалось, оно привязано к званию офицера, что в армии, что в гвардии, что в жандармерии. Кабинет Матвей менять не стал, к прежнему привык. Да и на короткие совещания все офицеры вмещались. До повышения в его подчинении три офицера было, сейчас семь.

Отдел занимался борьбой со шпионажем. И конкретные задачи, направление действия, получил впервые. Фактически до 1915 года все подразделения Охранного отделения были направлены на борьбу с внутренними врагами – террористами, боевиками различных партий, как и партиями,

действия которых были направлены на дестабилизацию положения, на свержение царского режима, изменение строя, но изменилась ситуация. Многие партии с началом войны проявили патриотизм, на время отказались от политической борьбы, осознавая, что нависла над страной внешняя угроза. И народ попросту отвернется от партий, косвенно помогающих немцам, действующим против установленного порядка. Да еще часть прежде активных членов партий попала на фронт, ослабив позиции партий в тылу. На первое место выдвинулись другие опасности. Шпионаж со стороны немцев и австрийцев, экономический саботаж промышленников с целью задрать цены на военную продукцию. Всегда находились люди, как по поговорке. «Кому война, а кому мать родна!». Ничего личного, только прибыль.

Были и диверсии, явные и скрытые, они тоже забота Охранного отделения.

То есть с началом войны поменялось направление деятельности и методы работы. Подстраивались под изменившиеся условия, жизнь заставляла. Жандармы проходили по военному министерству, финансировались из бюджета армии. Потому вновь создаваемое городское контрразведывательное отделение, созданное в 1910 году, возглавил полковник Отдельного корпуса жандармов Василий Ерандаков. Отделение было малочисленным, десяток человек, но занималось только контрразведкой в армии.

Жителями города гражданскими, как и иностранцами,

должен был заниматься Матвей и его подразделение.

Как назло, Сенат девятого февраля 1915 года принял решение, по которому подданным Германии, Австро-Венгрии было отказано в судебной защите. Немного раньше, одиннадцатого января Указом обязали закрыться предприятия, владельцами которых были немцы или австрийцы. До первого июля 1915 года закрыли 3050 фирм, более тысячи перешло к другим владельцам. Еще 479 были принудительно закрыты государством.

С началом войны в России запретили говорить и писать на немецком языке, за неисполнение следовал штраф до трех тысяч рублей или три месяца тюремного заключения. Также запрещалось исполнение музыкальных произведений немецких композиторов. Все населенные пункты, имевшие немецкие названия, должны быть переименованы. В пылу антигерманских деяний даже сменили название столицы. Изначально Петр I именовал город на голландский манер – Питербурх.

Все антигерманские меры привели к росту ненависти ко всему немецкому. Еще при Петре и Екатерине на службу в Россию переехали многие немцы. Кто-то служил в армии, дослужился до генеральских чинов, причем служили честно, отважно, не изменяли присяге, данной государю. Довольно много немцев занялись сельским хозяйством, образовав колонии на Поволжье. А еще были промышленники, торговцы. Колонистам досталось больше всех. Законом от 13 декабря

1915 года введена была конфискация 6,2 млн десятин пахотной земли.

Наиболее выраженные выступления против обрусевших немцев произошли в Москве. С 27 мая, за три дня, произошли массовые погромы. Было зверски убито пять немцев, раненых было сотни, их не считали. Разгромили 732 магазина, склада, дома. Причем содержимое разграблено, а 60 объектов сожжено. Убытков на 50 млн рублей.

Губернатор был вынужден ввести в город воинские части, задействовать конный дивизион жандармов. К концу мая череда погромов стихла, зачинщиков, ежели находились такие, арестовали.

Все это российских немцев испугало. Кто-то стал покидать страну, перебираясь через Петроград в Финляндию, затем Швецию и в Германию. Нашлись такие, которые остались, затаили злобу, начали сотрудничать с германской агентурой.

В Петрограде с началом войны насчитывалось 2 073 800 жителей, из них русских 82 %, белорусов 3,7 %, поляков 3,4 %, немцев 2,5 %. Причем 11 % жителей имели двойное гражданство России и Германии.

В Петрограде, по примеру Москвы, псевдопатриотические силы тоже попытались устроить погромы немцев. Однако полиция и жандармерия жестко пресекли. Во время войны устраивать погромы, волнения – чревато. Полиция задержала несколько наиболее активных погромщиков, после до-

просов выявили подстрекателей, завели следственные дела и передали в суд.

На волне антигерманской истерии граждане стали строчить доносы на соседей, подозревая их в шпионаже на Германию или вредительстве. Времени и сил Охранного отделения на проверку доносов уходило много, а в результате – пшик. Работа есть, а итоги нулевые. Весь отдел перелопатил груды руды, а ни грамма ценного материала. Обидно впустую трудиться. И плюнуть на доносы нельзя. Иной раз они давали информацию.

Несколько доносов решил проверить сам, его сотрудники были перегружены реальными делами. Выбрал адреса, чтобы поближе друг к другу, дабы времени меньше тратить на переходы. В столичном Охранном отделении одна легковая автомашина на приколе из-за отсутствия бензина, его почти весь отправляли на фронт. Еще была служебная пролетка, но ее оставляли для экстренных вызовов – взрыва или пожара на оборонном предприятии, теракта в отношении чиновника или полицейского, офицера армии или гвардии. Правда, с началом войны они почти прекратились, так как все партии сочли их антипатриотичными. Потому приходилось пешком, либо на трамвае, которые ходили с перебоями. Электроэнергия была нужна в первую очередь заводам.

Первый адрес на Моховой. Не центр, но рядом, до Фонтанки рукой подать. Нашел дом, поднялся на этаж, постучал в дверь, которую открыл преклонного возраста мужчи-

на. Одет в потертый сюртук коллежского регистратора, видимо для солидности. Матвей вытащил из папки лист бумаги с доносом.

– Вы писали?

– Я, не отрицаю.

– Так в чем ваши подозрения в отношении гражданина Савичева выражаются?

– Сосед он по дому и на чердаке голубятню устроил. Давно, года за два до войны.

Матвей молчал, ждал продолжения. И хозяин молчал.

– Так в чем крамола?

– Как? Вам невдомек? Он же германцам голубиной почтой шпионские донесения доставляет.

– До немецких позиций далеко, голуби не доберутся. А где сосед работает или служит?

– На пенсии, как и я.

Тьфу ты! Если бы трудился на оборонном заводе или чиновником в серьезном ведомстве, мог иметь доступ к информации, интересной противнику. Скорее всего – старые разногласия с соседом, неприязнь.

– Мы проверим, – поднялся Матвей. – Впредь прошу писать, имея более серьезные основания.

Второй адрес недалеко, в Саперном переулке. Донос написал сосед на соседа. Доносчик работал в магазине приказчиком. И магазин в соседнем доме. Дома доносчика не оказалось, но жена подсказала, где его можно найти. Матвей

в жандармской форме был. При беседах с информаторами или на допросах форма оказывает определенное психологическое воздействие.

Матвей в магазин вошел. Ни одного покупателя, только сам приказчик за прилавком. Магазин мужской одежды, во время войны товар не самый востребованный. Матвей поздоровался, попросил:

– Мне бы гражданина Федосова.

– Я Федосов и есть.

– Мы можем поговорить приватно?

– Я в магазине один.

– Вы давали информацию на соседа?

– Писал, не скрою. Шпион германский, арестовать его надо и к стенке.

– В чем вы его подозреваете конкретно?

– Он же немец! Готлиб его фамилия.

– И что?

– На чугунке служит в начальственных чинах.

С началом войны немцы перекрыли Финский залив минными заграждениями, а Балтику блокировал кайзеровский флот. Уже с осени 1914 года вся тяжесть снабжения громадного города легла на железную дорогу. И то, что сосед немец и служит на чугунке, ни о чем не говорит. Однако Матвей записал все данные на соседа – фамилию, имя и отчество, в каком депо или на каком направлении железной дороги служит? Оказалось – на Царскосельском, в паровозном депо. И

должность незначительная – нарядчик, по уровню немногим выше бригадира ремонтников. По определению не мог знать секретов. Не поленился, сходил в полицейский участок. Никаких проступков, поведение образцовое, примерный муж и семьянин. И этот донос отправил в архив. Если человека подозревать только из-за фамилии, то в столице полсотни тысяч изменников наберется. О таком массовом предательстве помыслить невозможно.

На третьем адресе оказался человек психически ненормальный. Весна, время обострения. Начал о видениях, о вибрациях земли и дальше чушь полная. Уже через пять минут словесного извержения Матвей понял – нужен психиатр, а донос на заговор всех царских чиновников можно отправить в архив. Служебное время потрачено впустую. Почти три часа бредовой говорильни. А ведь это время можно было провести с пользой. Утверждать, что немецких агентов в городе нет, нельзя. Их вычислить и задержать, обезвредить – его задача и его подчиненных.

Зато на следующий день дежурному звонок с железной дороги.

– Охранное отделение? Говорит начальник станции Ржев-ка. Мои сотрудники задержали вредителя.

– Чем же он вредил?

– Песок в буксы вагонов подсыпал.

– Ждите, подъедем.

Станция Ржевка это в районе Пороховых заводов, по При-

морской железнодорожной ветке. Матвей в Ольгино на дачу по этой линии ездил. Ржевка – станция в основном промышленная. Сюда приходят и отправляются грузы с близлежащих заводов.

Прихватив фельдфебеля для конвоирования задержанного, на служебной пролетке выехали. Добирались долго, Ржевка на окраине города. Вокруг заборы заводов и фабрик, вид унылый, прохожих почти нет. Здание вокзала невелико, возле кабинета начальника станции несколько железнодорожных рабочих. Их всегда можно узнать по черной униформе, в петлицах скрещенные молоточки, штаны в области колен замаслены мазутом.

– Поймали ирода! – зашумели рабочие при виде жандармов.

Матвей с фельдфебелем вошли, поздоровались. На полу в углу кабинета сидел задержанный, рядом двое рабочих, явно охраняли. У задержанного лицо в синяках, левый глаз заплыл, губа припухла, на подбородке кровь, рубаха на груди порвана.

– Кто это его так? – спросил Матвей.

– А пусть не гадит! – откликнулся рабочий.

– Доложите подробно, – попросил Матвей. – Разрешите присесть?

– Да, пожалуйста. По приходе на станцию рабочие-вагонники осматривают ходовую часть, где надо, заливают мазут в буксы, иначе расплавятся подшипники, букса на ходу заго-

рится, будет крушение.

– Это понятно.

– Рабочие увидели, как этот человек открывает крышки бункс, хватает песок и землю с насыпи и бросает в бунксы.

– Не было, напраслину возводите, – прошепелявил разбитым ртом задержанный.

– Тогда что вы делали у грузовых вагонов? – спросил Матвей.

– Мимо проходил.

Идти мимо невозможно, за станцией голое поле. Это Матвей сразу уяснил, как подъехали. Матвей заполнил сразу протокол допроса начальника станции.

– Кто из рабочих сам видел, как посторонний сыпал в бунксы песок?

– Я и видел, – отозвался рабочий.

И его под запись допросил Матвей. Получалось – не случайность и не оговор.

– Мы забираем у вас Анисимова. Спасибо за проявленную бдительность.

Фельдфебель за локоть поднял задержанного.

– Ступай. Не вздумай бежать, застрелю!

Для убедительности фельдфебель похлопал рукой по кобуре с револьвером. Добрались до Охранного отделения. Матвей завел уголовное дело, подшил протоколы свидетелей, допросы арестованного. Тот все отрицал, как часто бывает. Кому охота брать на себя статью, где не срок, а смерт-

ный приговор. В войну за вредительство, саботаж положены меры суровые и судит трибунал, а не суд присяжных.

Арестованного после допроса отправил в следственную тюрьму, а дело – в трибунал. Для Матвея это дело было знаковым, первым о вредительстве. Вот этого он понять никогда не мог. Как русский человек вредит своей стране в тяжелый период военных действий. Причем не вражеский агент. Германцы не будут толкать на явную глупость. Одно дело добыть важные сведения военного и промышленного значения, и другое – так мелко пакостить. Кроме презрения и брезгливости Анисимов никаких чувств не вызывал. Простой рабочий с фабрики кожаных изделий, ремни поясные, под сумки делал. Не партийный функционер, деньги не получал от германцев. Необъяснимо! Совершил бы вредительство обрусевший немец, либо поляк, у ляхов спесивость в крови, про Лжедмитрия и Мнишек благоразумно забыли. Это было бы понятно. Хотя... Немцы все время поляков гнобили, а ляхи раболепствовали.

Но перед начальством отчитался. Во все времена начальству дай результат.

Через несколько дней Матвея вызвал начальник Охранного отделения столицы полковник Глобачев.

– Матвей Павлович, поручаю вам съездить в Сестрорецк, на оружейный завод. По звонку майора Рдултовского в опытно-промышленном цеху пропали несколько новейших дистанционных трубок. Дело срочное.

– Слушаюсь, господин полковник!

Уже за полдень Матвей входил через проходную завода. Сам завод основал еще Петр I, как оружейный и инструментальный. Выпускали мушкеты и фузеи, затем и трехлинейные винтовки. Рядом был полигон, где испытывали новое оружие. Подчинялся завод ГАУ – Главному артиллерийскому управлению. На заводе и полигоне зачастую трудились конструкторы – Рощепей, Федоров, Токарев. Там же часто испытывал свои образцы Владимир Иосифович Рдултовский, личность легендарная. Закончив Михайловскую артиллерийскую академию, с 1909 года в чине капитана стал конструировать дистанционные трубки, взрыватели, артиллерийские снаряды и гранаты. Номенклатура артиллерийских снарядов в период русско-японской войны 1904–1905 года в полевой артиллерии была скудной. Не было фугасных или бронебойных снарядов, превалировал выпуск снарядов шрапнельных. При выстреле из пушки такой на определенном расстоянии срабатывал вышибной заряд, выбрасывая вперед стальные шарики. Эффективность поражения пехоты или кавалерии очень высокая. Но стоило живой силе укрыться в блиндаже, за забором деревянным, глиняным дувалом, толку от шрапнели не было. Японцы фугасные снаряды, называемые «шимозой», по имени создателя взрывчатки, применяли с успехом.

В России новые снаряды стали создавать с опозданием. В головной части таких снарядов ставились дистанционные

трубки. Перед выстрелом специальным ключом поворачивалось кольцо на трубке, и снаряд после выстрела взрывался на определенном удалении. Рдултовский создал дистанционную трубку, которая могла срабатывать от 5 до 22 секунд. Снаряд трехдюймовой пушки за это время мог пролететь 5100 метров. Шло негласное соревнование конструкторов разных стран. Европейские страны перестали начинать снаряды мелинитом, при длительном хранении пикриновая кислота выпотевала и могла самопроизвольно взорваться при легком прикосновении. Только перед Первой мировой войной наша оборонная промышленность перешла на снаряжение снарядов расплавленным тротилом. Технология опасная. Тротил плавился при температуре 82,4 градуса, а взрывался на два градуса выше температуры плавления. Зато безопасно мог храниться десятилетиями. Для страны свойство важное, можно было создать большие стратегические запасы на складах.

Матвей, сам закончивший Михайловское артиллерийское училище, хорошо представлял и устройство, и технологию производства. При встрече с Рдултовским на заводе подробно объяснять предназначение деталей не пришлось. Конструктор был расстроен.

– В каждом ящике было упаковано по тридцать штук, каждая трубка в отдельной ячейке, как положено, обернута воощеной бумагой. Трубки уже были испытаны, приняты Главным артиллерийским управлением, образцы изделий и

чертежи приготовлены для отправки на Самарский трубочный завод. Перед отправкой открыли ящик, а там двух трубок не хватает.

Про Рдултовского в армии ходили легенды. Умел и смел. При испытаниях бывали случаи, когда трубка в снаряде не срабатывала. Тогда Владимир Иосифович просил всех удалиться на безопасное расстояние, вывинчивал трубку из снаряда и разбирал, пытаясь определить причину дефекта. В любой момент мог произойти взрыв. И в то же время Рдултовский панически боялся начальства, до дрожи в коленях, потел, заикался.

– Пожалуйста, предоставьте мне список всех сотрудников, имевших доступ к месту хранения продукции. Фамилии, адреса. Еще комнату мне для работы.

– Уже приготовили.

– Отлично!

Рдултовский сам провел Матвея, положил список на стол. Всего пять человек имели доступ в кладовую. В цеху собирали дистанционные трубки два десятка рабочих, причем опытных, имевших большой стаж и нареканий не вызывавших. Да их Матвей и не подозревал. Каждый из них обрабатывал определенную деталь, после сборки они проверялись контролером, ставился штамп, и деталь шла на склад. Доступ в само хранилище был у кладовщика, мастера цеха, старшего мастера, технолога и самого Рдултовского. Конструктора из ряда подозреваемых лиц Матвей сразу исключил. Зачем

ему воровать собственное изделие? Уж если хотел продать секрет дистанционной трубки, мог это сделать в чертежах, не поднимая шума. Да и украсть один образец он мог на стадии изготовления первых образцов.

Плохо, что неизвестно было, когда произошла кража. По документам – ящик с дистанционными трубками поступил в кладовую семь дней назад и завтра должен был отправляться со специальным курьером в Самару. Кража обнаружилась вчера вечером. То есть украсть могли в любой из шести дней. Учитывая близость Сестрорецка к финской границе, изделия уже могли быть в Финляндии, а то и переправлены в Швецию. Задача Матвея была не только найти вора, который мог быть подкупленным, но и агента германской разведки. А лучше – перехватить изделия, вернуть их на завод. Насколько знал Матвей, германские дистанционные трубки страдали врожденным дефектом, при попадании снаряда при выстреле во влажную землю – болото, грязь, не взрывались, в отличие от трубок Рдултовского. Поэтому конструкторы заводов Круппа хотели знать, в чем секрет?

Сейчас бы филеров из службы наружного наблюдения. Матвей в штатском, но подозреваемых четверо. Поселок небольшой, статус города Сестрорецк получит только в 1917 году. Многие жители друг друга в лицо знают, и начини Матвей следить, вор насторожится. Тем не менее телефоновал в Охранное отделение, попросил выслать в помощь хотя бы двух человек, опытных. Были такие в службе наруж-

ного наблюдения. Абсолютно неприметные, пройдет мимо и не вспомнишь, в чем был одет и лицо. Это особый дар – средний рост и среднее телосложение, серые глаза и никаких особых примет – шрамов, усов, лысины.

А пока начал допрашивать подозреваемых. Попросил каждого вспомнить последние пять дней буквально поминутно – где был, сколько времени, с кем встречался, по какой надобности был в кладовой, кто может подтвердить? Не всегда возможно установить точно, по работе мастер не один раз за день может заходить в кладовую. Проще всего украсть кладовщику. Он почти все время в кладовой, зачастую один. Возможность открыть ящик и вытащить трубки есть. Они невелики по размерам – с кулак, да и весом в половину фунта. Положи в карман – и особо выделяться не будут. А только очевидное – вовсе не вероятное. Кладовая – фактически склад, полсотни шагов в длину, двадцать в ширину, где в четыре ряда стоят металлические стеллажи. Кладовщик может находиться за столом, а мастер либо другой человек пройти в глубь кладовки, вытащить детали. Это дело нескольких секунд. Человек посторонний на завод не пройдет, на проходной бдительная охрана. Да и лишние люди – слесари, токари, кузнецы и прочий ремесленный люд в кладовую доступа не имеют.

Кладовщика допрашивал дольше всех. Не заходил ли кто-нибудь из приятелей? Чай попить в обеденное время, поболтать? Ах, Прокопий Семенов заглядывал? Кто таков? Зачем

заходил? Сколько времени пробыл? За два часа допроса вымучил кладовщика, но круг заходивших в кладовую вырос до семи. Правда, кладовщик божился, что ни один дальше его стола в кладовую не проходил, все были на глазах, а сам он не отлучался, бросив дверь склада открытой.

– Не первый год работаю, порядок знаю! И никогда ничего не пропадало! – утверждал кладовщик.

Почему-то Матвей склонен был верить. Мужчина сорок лет на заводе работал и без нареканий.

Двух филеров прислали, оговорив, что через три дня они должны вернуться. Одного Матвей сразу приставил за мастером цеха, другого за старшим мастером. Самое скверное, что работа филерам короткая – только вечером. Утром рабочие спешат на завод, в рабочее время за ними следить нет смысла, и охрана не пустит, завод военный, оборонного значения.

Сам же Матвей тоже времени не терял, навестил полицейского урядника, побеседовал неспешно. Обо всех, имеющих возможность бывать в кладовой, побеседовал. И ничего компрометирующего не услышал. Урядник знал всех жителей поселка, ни в какую картотеку не заглядывал. Конечно, за десять лет службы на глазах урядника прошла значительная часть жизни обитателей. Матвей уже собирался уходить, как урядник обмолвился, что видел старшего мастера Сергеева четыре дня назад, в воскресенье, на железнодорожной станции.

– Встречал кого-нибудь?

– Говорил – в столицу ездил, к врачу. Зрение стало падать.

– Бывает.

Но насторожился Матвей. Ежели бы Сергеев посещал врача неделю назад, то это его дело. Но как раз в эти дни пропали эти чертовы дистанционные трубки. Отметил себе в памяти, решил спросить следующим днем.

Вечером филеры доложили о слежке. Объекты после работы вели себя спокойно. Мастер Игольников зашел в магазин, купил хлеба и отправился домой. Технолог Барыбин зашел в чайную, где официант налил ему из чайника в чашку водки.

– Почему водки? – сразу спросил Матвей.

– В чай заварку наливают, подают сахар либо карамельки. А еще пряники либо баранки. Объект выпил залпом и ушел. Я подошел к столу, чашку понюхал, водка!

С началом войны в империи объявлен «сухой закон». Ни водка, ни коньяк или вино не продавались. Нарушение несерьезное, к Охранному отделению никаким боком, ну зашел человек после трудового дня усталость снять, это же не измена родине.

Этого филера Матвей перенацелил на Сергеева. А сам с утра перехватил Сергеева у проходной и к себе, во временный кабинет. И сразу вопрос в лоб:

– Вы отлучались из Сестрорецка в последние десять дней?

– Не упомяну, вроде нет.

– Вот лист бумаги и карандаш. Каждый день, начиная с двадцатого июня, запишите коротко – где были, с кем встречались.

– Прямо сейчас?

– Именно.

– Мне на службу надо.

– Много времени ваши воспоминания не займут.

Сергеев закатывал глаза, вздыхал, всячески изображая потуги мысли. Наконец протянул листок. Матвей пробежал взглядом. Все дни как под копирку. И в воскресенье – находился дома.

– Как же так? А полицейский урядник утверждает, что видел вас в воскресенье на станции выходящим из вагона поезда.

– Ох, запамятовал! В столицу ездил, глаза плохо видеть стали.

– Ай-яй-яй! Наверное, возраст сказывается. А к какому врачу?

– На Казанской улице, там еще Мучной мост через Екатерининский канал.

– А как фамилия доктора?

– Не помню. У него свой кабинет на втором этаже. Еврей.

– Ладно, не смею задерживать.

За Сергеевым филер проследит. А сейчас Матвей заторопился на станцию. По военному времени поезда из Сестрорецка шли в столицу четыре раза в день. Два пассажирских

вагона и десяток грузовых, вывозили продукцию в столицу, винтовки были на фронте чрезвычайно востребованы. Если бы не завод, поезда и вовсе отменили бы.

С вокзала Матвей сразу на Казанскую улицу. От Невского проспекта, мимо Казанского собора, да пешком. На вывески на домах поглядывал. В том месте, где Казанская улица близко к Екатерининскому каналу подходит, где Мучной мост, в самом деле вывеску увидел.

«Лечение глазных болезней. Новейшее оборудование из Парижа. Офтальмолог Герберштейн».

По фамилии не ясно – немец ее носитель или еврей. Впрочем, для Матвея без разницы. Поднялся по лестнице, позвонил в дверь. Открыла средних лет медсестра, в халате и накрахмаленном чепчике.

– Вы на прием? Вы записаны?

– Нет.

– Тогда доктор вас не примет.

– Бьюсь об заклад, примет. Я из Охранного отделения.

– Самуил Яковлевич, я давно говорила, надо написать объявление, доктор – еврей. Как другие делают. К вам важный посетитель.

В приемную вышел доктор. На вислом носу пенсне, картавит. Семит. Из них хорошие врачи и юристы получают.

– Добрый день, доктор. Я не по вашу душу. Меня интересует некий Сергеев. Утверждает, что лечится у вас.

– Фимочка, посмотри картотеку! Вы пока присядьте.

Пара минут и карточка нашлась. Доктор взял ее в руки.

– Сергеев Трофим Иванович. Сестрорецк, близорукость.

Я назначал...

– Мне не нужен диагноз, доктор. Когда он был?

– Последнее посещение три месяца назад.

– Не может быть! Вы не могли пропустить?

– Разве вы налоговый инспектор, чтобы я лгал? Какой смысл?

– То есть пять дней назад, в воскресенье, он у вас не был?

– Таки не был! Я еще не выжил из ума, не смотрите на мои седые волосы.

– Большое спасибо, вы мне помогли.

Матвей вышел. Сергеев врет. В столице был, но у кого и зачем? Значит – есть что скрывать!

Глава 3

ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОРПУС

Надо задерживать Сергеева, проводить дома обыск. Матвей посмотрел на часы. Поезд в Сестрорецк через сорок минут. Если поторопиться, можно успеть. Матвей перехватил извозчика, успел на вокзал за десять минут до отхода поезда. На Сестрорецк вагоны водил небольшой паровоз-танк, без тендера с углем. Баки для воды по обе стороны котла. Уголь за будкой машиниста в небольшом бункере. Очень своеобразного вида, позже такие работали только на маневровой работе.

Добрался до Сестрорецка и пешком на завод. У проходной его филер перехватил.

– Господин ротмистр! Сергеев исчез.

– Как исчез?

– С завода после окончания смены не вышел.

– Стоять здесь!

Матвей в цех прошел, Сергеева в самом деле нет. Поинтересовался у начальника цеха. Тот удивился.

– Рабочее время у него закончилось. Ушел, наверное, дома.

Адрес старшего мастера у Матвея записан в блокноте. Вместе с филером направился домой. Дверь на навесной за-

мок заперта. Матвей к соседям постучал.

– Простите, Сергеева не видели?

– Недавно со смены пришел.

– А дверь заперта.

– Да, может, в магазин человек пошел?

– Спасибо.

Да ни в какой магазин он не пошел. Если бы вышел через проходную, его бы филер засек.

Или вышел через ворота для грузов, либо через заводские железнодорожные пути. На завод вела ветка, продукцию грузили в вагоны прямо на заводе и вывозили в сопровождении охраны, причем армейской, а не заводской. Сергеева знали, вполне могли пропустить, на заводе он работает давно, все сотрудники завода его знают в лицо, даже пропуск не спросят. Сейчас важно перехватить Сергеева. Он если решил сбежать, то в первую очередь задерживать его надо на подходе к Петрограду. Пассажирский поезд идет через станцию через час. Это время Сергеев может пересидеть у знакомых. Даже билет они могут ему в кассе купить, а Сергеев появится в последний момент. Но предатель может отправиться по шоссе, наняв извозчика. Матвей почти побежал к проходной и сразу к филеру.

– Быстрее на вокзал. Думается мне, Сергеев в Петроград поедет. Садись в поезд, тщательно осмотри все вагоны. Учти, фигурант хитер, может парик нацепить, одежду сменить.

– Раскусим, не впервой.

– Встречаемся в отделении.

А сам в заводууправление, к главному инженеру. В его распоряжении был автомобиль «Рено», Матвей видел темно-красный кабриолет.

Коротко и четко доложил, что срочно нужен автомобиль.

– Только до Петрограда и сразу шофер может ехать назад. Крайне важно.

– Коли так, автомобиль и шофер в вашем распоряжении.

Матвей передал распоряжение шоферу, тот опустил очки-консервы на глаза и поехали. По случаю войны шоссе пустынное. Редкие экипажи, машины вообще единичные, да велосипедист один. Велосипед считался забавой, как и мотоцикл. Когда обогнали велосипедиста, Матвей обернулся и посмотрел на чудака. Лобовое стекло автомобиля низкое и встречный ветер выжимал из глаз слезы, шофер на зря надел очки. И у Матвея глаза слезятся, однако показалось, что лицо знакомое. Да не Сергеев ли?

– Остановись! – приказал Матвей.

Шофер затормозил, съехал на обочину, Матвей сидел в машине, ждал, пока велосипедист подъедет. Выходить не торопился, если велосипедист Сергеев, он сразу насторожится, а то и свернет с дороги на тропинку. Машина не проедет, бегом велосипед не догонишь. Когда велосипедист уже рядом был, Матвей открыл дверцу, выскочил на дорогу. Ба! Какая неожиданность! Сергеев сосредоточенно педали крутит. Матвей вскинул руку.

– Сергеев! Остановитесь, иначе буду стрелять!

Как же! Сергеев вильнул в сторону, объехал Матвея по другой стороне дороги, налег на педали. Шофер закричал:

– Господин офицер! В машину! Моментом догоним.

Матвей вскочил на подножку, шофер тронул «Рено». Сергеева догнали быстро, он крутил головой по сторонам, высматривая съезд, тропинку, поперечную дорогу.

– Сбей его! – приказал Матвей.

Аккуратно притер велосипедиста шофер, легонько ударил краем бампера, толкнул в кювет. Упал Сергеев, а Матвей спрыгнул с подножки.

– Что же это вы, Сергеев, убежать вздумали? Нам побеседовать надо.

– Не имею желаний!

Сергеев встал, начал отряхивать костюм от придорожной пыли.

– Руки поднимите, я вынужден вас обыскать!

– Это произвол, я буду жаловаться!

– Имеете право.

Матвей осмотрел карманы, задрал пиджак. Имеющие оружие зачастую прятали его под пиджаком сзади, заткнув за ремень. Оружия не было, но записную книжку изъясил, там могут быть адреса и телефоны контактов предателя. А еще было толстое портмоне, набитое ассигнациями. Тоже изъясил, иначе задержанный может выбросить. Как правило, любое преступление имеет финансовый след, в том числе пре-

дательство, зачастую предатель ищет финансовую выгоду. Матвей деньги не считал, прикинул приблизительно, вышло – годовое жалованье. Кто с собой такие деньги носит? Человек, который хочет сбежать, почуяв угрозу. Как только жандармерия начала проявлять интерес к работе завода, обеспокоился. Почувствовав, что запахло жареным, решил сбежать.

Матвей выдернул из брюк Сергея ремень, стянул им руки, заведя за спину.

– Садитесь в машину.

Матвей еще и велосипед погрузил, в машине места хватало. Надо еще его досмотреть попозже. Сам уселся рядом с Сергеевым, шоферу приказал:

– В Петроград, на Мойку!

Уже в Охранном отделении фельдфебель тщательно обыскал, прощупал каждый шов одежды. Заграничная агентура – это не доморощенные террористы, сталкивались уже жандармы с хитроумными тайниками, когда послания писали на шелковой ткани, прятали за подкладку одежды. И даже был случай вовсе уникальный. Агенту выбрили голову, написали шифровку химическим карандашом, подождали, пока волосы отрастут и отправили через кордон, строго наказав не мыть голову. Уже прибыв на место, волосы обрили, шифровку прочли. «Почтальона» смогли задержать на следующий день, кепку он натянул, чтобы надпись не была видна, а только надо было хорошо вымыть, с мочалкой и мылом,

тогда и текст смылся. Оплешность австрийца, не предупредившего «почтальона», вышла ему боком.

И велосипед осмотрели, в инструментальной сумке только ключи, трубки рамы заводской сварки, ранее не вскрывались.

Матвей к допросу приступил. Сергеев свое участие в хищениях отрицал. И про то, что в Петроград ездил, не отрицал, якобы к врачу-окулисту. Матвей тут же на стол протокол допроса Герберштейна.

– Были вы у доктора на приеме, но давно. Можете почтить.

– Мне неудобно говорить, каюсь – солгал. Был у любовницы. Она замужем, не хочется бросать тень на женщину.

– Адрес, фамилия?

– Не скажу.

– Надеюсь, вы понимаете, что вас подозревают в хищении дистанционных трубок? По нынешним временам это серьезное преступление. За него под трибунал и виселица.

– Не скажу, – уперся старший мастер.

– В камеру его, – распорядился Матвей.

А сам взял ключи от дома Сергеева и ближайшим поездом вернулся в Сестрорецк. Поздно уже, обыск на квартире решил провести утром, при дневном свете. Успел предупредить полицейского урядника, чтобы нашел двух понятых. Хоть и военное время, без соблюдения закона нельзя.

Обыск провел тщательнейшим образом, не только квар-

тиры, но и дворовых построек. Похищенных деталей не обнаружили, зато несколько интересных писем Матвей изъясил. Сначала подумал – ничего особенного. Письма короткие, от женщины, судя по подписи – Мария. И сам текст от женского лица, но почерк твердый, скорее мужской и содержание деловое, не любовное. И обратный адрес на конверте, на Васильевском острове. Самый центр города. Матвей вместе с филерами, которым делать уже было нечего, отправился в Петроград ближайшим поездом. Вместе с филерами, наняв извозчика, добрался до адреса, нашел дворника.

– Кто у вас живет в двадцать второй квартире?

– Франц Заубер, солидный господин.

– А семья?

– Он один. Еще приходящая домработница, три раза в неделю. Истинно так.

– А где он служит?

– Не могу знать, ваше благородие! Вроде слышал я – в каком-то банке.

Судя по фамилии, немец, не семит. Вот тебе и подпись – Мария. Маскировка, не более. Во время войны все письма перлюстрируются цензурой. Особенно тщательно подозрительных лиц – неподходящая фамилия, участие в партиях, осуществлявших теракты или проводивших антимоноархическую деятельность. Для цензора подпись Мария никаких подозрений не вызовет и в «черный список» отправителя не занесут. На это был расчет. Стало быть – есть чего

скрывать. Честному человеку бояться нечего. Надо учинять обыск, ждать возвращения хозяина квартиры, искать двух понятых. Впрочем – один уже есть, дворник. Филеры, как сотрудники жандармерии, люди заинтересованные, понятыми быть не могут.

Одного из филеров Матвей отправил в Охранное отделение, здесь он не нужен, а несколько человек посторонних Заубера могут насторожить. Даже если немец с жильцами не приятельствует, многих знает в лицо. Филера Матвей поставил во внутреннем дворе недалеко от арки, чтобы отрезать путь отступления, если попробует сбежать. Сам Матвей занял место в дворницкой, у окна сидел дворник. Он должен подать сигнал, когда появится Заубер. Пока ждали, Матвей расспрашивал дворника – как поздно появляется Франц, да часто ли бывают гости, мужчины или женщины? Не торопясь, обстоятельно. И дворник отвечал после раздумий. За полчаса, а то и больше Матвей многое выяснил. В числе гостей никогда не было женщин, только мужчины, причем одиночки. Если бы приятели, задерживались надолго. А уж коли содомиты, то и подавно. А визитеры уходили через десять-пятнадцать минут. Похоже, встречи явно деловые. Пришел, доложил результат, получил вознаграждение и новое задание. Да и гости были регулярно, ежедневно, по два-три визитера. Если Франц германский или австрийский разведчик, то преуспел, много агентов завербовал. Даже если на незначительных должностях работают или служат, приносят

не самую секретную информацию, то в целом картина может складываться объемной. В таком случае успех Франца это недоработка Охранного отделения. Не провал, но досадная и серьезная ошибка.

Дворник вскочил со стула.

– Заубер прошел!

– Тихо! Я за ним, ты бери кого-нибудь из жильцов понятым и к его квартире.

– Есть такой, истопник Егор.

Матвей вышел из служебной квартиры дворника. Он был в штатском, внимания не привлекал, как и филер. Тот вообще смотрелся приказчиком третьеразрядной лавки. Матвей вошел в подъезд следом за фигурантом. Тот уже был на третьем этаже. Поднимался легко, чувствовалось – в хорошей физической форме. Матвей побежал, перепрыгивая через ступеньку, через две. Ему хотелось попасть в квартиру вместе с Заубером, пока тот не войдет в квартиру и не запрет дверь. Матвей уже видел ее – из дубовых досок, такую сломать только тараном можно. Видимо, обратил на себя внимание фигуранта топотом, хотя старался бежать бесшумно. В отличие от многих, на каблуках не было металлических подковок, и подошва была не кожаная, она скользит, а резиновая. Такая изнашивается быстро, но не скользит и не стучит.

Вот позади третий этаж, слышен щелчок замка, громыханье связки ключей. Заубер уже второй замок открывает. Се-

кунда и он войдет, захлопнет дверь. Матвей на ходу выхватил табельный наган, закричал:

– Полиция! Стоять!

Он решил стрелять по дверному замку, если Франц успеет закрыть дверь. Если опередит, то пока Матвей будет рваться в квартиру, успеет уничтожить все улики, если они имелись. Франц посмотрел на бегущего Матвея, сразу понял – за ним, да и не полиция. Каким-то седьмым чувством угадал. Улыбнулся широко, прыгнул к перилам, перегнулся и полетел вниз. Четвертый этаж, каждый этаж высота метра по четыре. Глухой удар! Матвей замер. Вот это номер! Заuber понял, что разоблачен, и решил покончить с собой, унеся в могилу все секреты. В тюрьме могут сломать любого, это вопрос времени.

Переиграл его немец, из-под носа ушел! Сильный противник, Матвей таких уважал. Дворник вошел в подъезд с истопником, увидел тело Франца, вокруг головы которого расплывалась кровавая лужица.

– Пусть мой человек вызовет судебного врача! А истопник пусть тело охраняет! – приказал Матвей.

Дворник кивнул, видимо, не впервой. А Матвей решил по-быстрому квартиру осмотреть. Дом доходный, комнаты меблированы владельцем, стандартно. Матвей быстро просмотрел шкафы, тумбочку, ящики письменного стола. В ящике шкатулка, попробовал крышку открыть – не поддается. Ладно, с этим позже разберется. Хуже другое. Жильцы

дома стали возвращаться со службы, с работы. О смерти одного из жильцов сразу станет известно всем. Сбежал вниз.

– Снимай картуз! – приказал истопнику.

И картузом прикрыл лицо погибшего.

– Барин, да как же это? Картуз-то один, весь в крови будет, убыток!

Матвей достал портмоне, выудил три рубля купюрой. Этих денег и на шляпу хватит. Протянул.

– Благодарю, ваше благородие!

– Никому не говори, кто таков! Спросят ежели – неизвестный, был пьян!

– Слушаюсь.

Матвей вышел из подъезда, подождал немного. Через арку уже въезжала полицейская пролетка с полицейским в форме и судебным врачом в цивильном платье. Следом закрытая черная карета – труповозка. Матвея знали, поздоровались.

– Чего тут приключилось?

– Бросился в лестничный пролет с четвертого этажа.

– Бывает.

Полицейский и судебный врач стали осматривать тело. Им еще протокол писать. А Матвей, прихватив дворника и истопника, поднялся в квартиру. Обыскивал методично, слева направо. Немного личных вещей, стопка чистых листов, пачка денег в кармане плаща, висевшего в шкафчике. Деньги российские, шесть тысяч. Сумма изрядная, многие лю-

ди таких денег в руках никогда не держали. Не истопник, с ним понятно, а чиновники небольшого ранга или лавочники. Матвею понятно, зачем деньги. Рассчитываться с агентурой. Люди, изменившие Родине, не бывают альтруистами, за свои труды просят деньги. Еще оставалась шкатулка. На столе связка ключей, которые были в замочной скважине двери. Матвей решил их осмотреть. Один ключ маленький, на дверной не похож. Ключик подошел, после поворота внутри щелкнул замок, заиграла мелодия. С одной стороны – занятная безделица, а с другой – всегда даст хозяину знак, что шкатулку открывает прислуга, либо излишне любопытный гость. В шкатулке несколько открыток с видами Парижа, штемпелями и рукописным текстом на французском.

«Мой дорогой друг! Рад ...»

Надо позже изучить, не шифровка ли? Иначе с чего бы Зауберу хранить их в шкатулке? А главное – был пакет из плотной бумаги. Матвей обратил внимание понятых.

– Попрошу подойти!

Аккуратно развернул. Вроде пакет невелик, а тяжел. Перед ним две дистанционные трубки, похищенные с Сестро-рецкого завода. Вещественное доказательство, которое поставит Сергеева на эшафот. Письма-то с подписью «Мария» с этого адреса шли. Жаль, что Заубер оказался быстр и решителен, успел покончить с собой и унес в могилу многие тайны. Если был осторожен, хранил в каком-то укромном месте адреса завербованных агентов. Как-то же они назнача-

ли друг другу даты и время тайных встреч, обмена информации на деньги. Может быть, при тщательном изучении бумаг погибшего кое-что станет известным. Было бы большой удачей по адресам задержать других предателей.

Провозились на квартире Заубера до вечера. Когда вышел, труп уже увезли, а кровь замыли, и ничего не напоминало о разыгравшейся трагедии.

Утром доложил о расследовании начальнику Охранного отделения, Глобачеву.

Константин Иванович выслушал, действия Матвея одобрил. А потом огорошил:

– Следственное дело по Сергееву с документами по Зауберу сдайте Замятину.

Матвею обидно стало. Он раскрыл предателя, арестовал, вышел на предводителя ячейки, обнаружил новейшие дистанционные трубки, а теперь дело забирают, когда остается бумажная работа. Несправедливо! Только собрался спросить – почему? В армии, жандармерии, гвардии и прочих структурах обсуждать приказы начальства не положено. Но хотелось бы узнать причину. Упущение он совершил, так в чем оно, либо его перебрасывают на более важное дело, тогда не обидно. Все же он не мальчик для битья. А полковник уже сам объясняет.

– Формируется экспедиционный корпус для отправки на помощь союзникам во Францию. Положение там сложилось очень тяжелое. Немцы от Парижа совсем рядом. Солдат на

передовую везли на парижских такси.

Матвей слушал внимательно. О таких подробностях в газетах не писали. Видимо, в самом деле ситуация скверная, когда не поезд солдат везет, не грузовик, а такси. И второй вывод – немцы от столицы недалеко.

– Вы назначаетесь в пехотную бригаду для целей контрразведки. Даю день на передачу следственных и прочих дел сотрудникам и еще три дня уладить личные дела. Прибыть согласно предписанию, имея трехдневный запас продовольствия с личным оружием на Московский вокзал к восьми утра, к генерал-майору Лохвицкому. Он назначен командиром первой бригады.

Полковник помолчал, походил по кабинету.

– Моих сотрудников четверо с формируемым корпусом отбывают. Не рискуйте попусту, мне хотелось бы видеть вас всех живыми и здоровыми по возвращению. Удачи!

– Спасибо, господин полковник!

Как понял Матвей, Глобачев получил приказ свыше, либо от шефа Отдельного корпуса жандармов, а то и от Министерства внутренних дел.

Русский экспедиционный корпус был направлен во Францию по просьбе союзников. Фронт во Франции трещал по швам, немцы активно напирали, применяя запрещенные методы ведения войны – боевые отравляющие вещества.

Корпус сформировали из четырех особых отдельных пехотных бригад, каждая двухполкового состава. Всего 750

офицеров и 45 тысяч унтер-офицеров и нижних чинов. Прибыли во Францию кружным путем. Бригады 1-я и 3-я направлены на фронт в Шампани, 2-я и 4-я на Салоникский фронт, в Македонию. Весной 1917 года на помощь корпусу были направлены еще артиллерийская бригада и инженерно-саперный батальон.

Первой бригаде путь достался самый тяжелый и длинный. Поездами Петроград – Москва – Самара – Уфа – Красноярск – Иркутск – Харбин – Далянь. Здесь погрузка на французские пароходы и плавание маршрутом Далянь – Сайгон – Цейлон – Аден – Суэцкий канал – Марсель, где следовала выгрузка и поездом до Парижа. Фактически без малого кругосветное путешествие. Прибыли 20 апреля 1916 года, через полгода после отправки. В июле 1916 года была отправлена вторая бригада под командованием генерал-майора М. К. Дитерихса. В августе 1916 года третья бригада под командованием генерал-майора В. В. Марушевского отправилась морем через Архангельск. Такой маршрут оказался значительно короче и быстрее.

По нему же отправилась и четвертая бригада во главе с генерал-майором М. Н. Леонтьевым на пароходе «Лютеция», который уже 10 октября прибыл в Македонию на Салоникский фронт.

Первая бригада была брошена на оборону Реймса. Находился он на северо-восток от Парижа, в 140 км от столицы и в 99 км от Вердена, входил в регион Шампань – Арден-

ны. Знаменит был собором Нотр-Дам-де-Реймс, где проходили коронации французских королей. Кстати, Квазимодо и Эсмеральда, герои знаменито романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», жили именно в Реймсе.

Город был еще славен как родина французской авиации, здесь летал Блерио, здесь появилась первая летная школа и самолетостроительный завод.

Русские сменили в окопах потрепанные французские части, которые отвели на отдых. Немцы главный удар нанесли по Вердену. Бои начались 21 февраля и продолжались десять месяцев. С французской стороны под Верденом убито было 162 тысячи воинов, с немецкой – 143 тысячи. Битва получила у французов наименование «Верденская мясорубка».

Германия впервые в истории войн применила боевые газы и ранцевые огнеметы. К французским фортам и укреплениям подбирались под прикрытием ночи или днем под защитой пулеметов команды огнеметчиков, пускали в амбразуры огненные струи, выжигая защитников. Немцы наращивали усилия, пользуясь преимуществом в личном составе. Положение спасли два момента. По многократным просьбам французов русские предприняли Брусиловский прорыв на широком участке фронта. Немцы вынуждены были экстренно перебрасывать на Восточный фронт резервы. И второе – Антанта силами англичан предприняла атаку на реке Сомме, где они применили танки. Бронированные монстры легко преодолели оборону, немцы отступили и были изрядно

напуганы. У немцев танков не было, и они опасались, что если британцы перебросят на фронт еще танки, немецкая пехота побежит. Противопоставить английским «Марк I» было нечего.

Русским бригадам, сформированным спешно, приходилось туго. В первую очередь из-за просчетов. В штатах не были предусмотрены медики. Раненых в боях было много, но ни санитаров, ни перевязочных материалов не было. Раненые погибали от кровотечений. А кого успевали доставить во французские госпитали в Реймсе, помощь от врачей получали во вторую очередь, после французов. Многие раненые умерли от ран и были упокоены на кладбище в Мурмелоне, недалеко от Реймса.

Для Матвея, как контрразведчика, работы не было. Братания были только на Восточном фронте, да и то год спустя начались. Французы в бригаде не появлялись, если только маркитанты, как назывались снабженцы продовольствием.

В отличие от французов, положение бойцов русской бригады было хуже, в немалой степени из-за отсутствия артиллерии. Иной раз наши наблюдатели засекали пулеметные гнезда или позиции немецких батарей, а подавить их не могли. Первое время даже с патронами для винтовок было плохо. Потом французские заводы наладили производство русских боеприпасов. У каждой армии свои обозначения патронов – у французов 8 мм, у англичан .300, у немцев 7,92 мм. Очень близкие по характеристикам, но использовать другой

армией их невозможно. Такая же картина со снарядами для пушек.

Офицеры, свободные от службы, собирались по вечерам, делились впечатлениями о боевых действиях прошедшего дня. А Матвею и сказать нечего. Французы бошей не любили, хотя предатели были среди гражданских. А офицеры и солдаты почти все время проводят в траншеях, на виду друг у друга. И контакт с посторонним лицом сразу заметен будет. Но не было таких, к чести первой бригады. В каждом пехотном полку были контрразведчики в звании поручиков, Матвей над ними старший. Без дела сидеть плохо. С офицерами на вечерних посиделках сдружился, периодически в траншеи первой линии ходил.

Осмотреться, с солдатами поговорить, выяснить настроения. Письма с родины приходили нерегулярно. Месяц-два три нет, потом сразу несколько, с прибытием судна. Писали отец с матерью, жена. Если женщины больше о чувствах – скучали, беспокоились за Матвея. То отец чаще письма деловые – о недовольстве граждан всех сословий войной. Одни монархисты и черносотенцы требовали продолжать войну до победного конца. Писал о том, что большевики сильно мутят воду, в запасных полках в городе устраивают митинги, требуют штыки в землю и по домам. А еще лучше свергнуть царя и избрать новое правительство, ибо не хватает продовольствия. Можно подумать, после смены царя или правительства появится вдосталь хлеба, масла и мяса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.